

Данила Тереньтьевич Зайцев Повесть и житие Данилы Тереньтьевича Зайцева

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8921919

Повесть и житие Данилы Тереньтьевича Зайцева / Данила Зайцев: Альпина нон-фикшн; Москва;

2015

ISBN 978-5-9614-3649-5

Аннотация

Автор книги – русский старообрядец-часовенный из Аргентины Данила Тереньтьевич Зайцев, родившийся в 1959 г. в Китае. Это долгое и увлекательное повествование о жизни старообрядцев, сопоставимое с семейной хроникой-романом, написанное живо, с юмором. Книга – произведение светское, но созданное человеком с религиозным сознанием, которое определяет жизненные сюжеты, отношение к событиям, людям, самому себе. В «Повести...» отражена история многих старообрядческих родов, их бегства из большевистской России в Китай, а из «колхозного» Китая – в Южную Америку в 1959 г. События происходят в Китае, Аргентине, Бразилии, Уругвае, Чили, Боливии, США, России. В центре повествования – жизнь автора и его семьи, с подробным рассказом о неудавшейся попытке переселения в Россию в 2008 г. Д. Зайцев пишет о непростых отношениях в общинах, связанных с внутриконфессиональными разногласиями между «синьцзянцами» и «харбинцами», приводящими порой к ссорам, недопониманию и личным трагедиям. Но главное в книге – рассказ о повседневной жизни русских людей, живущих по стародавним заветам, ради соблюдения которых они, как и положено верующим христианам, готовы переносить страдания, терпеть нищету и лишения. И еще: на русском диалектном языке, который во всей своей первозданной силе звучит в книге, и сегодня говорят староверы Южной Америки.

Содержание

Такое вот житие	5
Автор, его книга и принципы ее публикации	11
Тетрадь первая	15
1	15
2	17
3	18
4	22
5	26
6	28
7	32
8	35
9	38
10	41
11	44
12	48
13	51
14	54
15	58
16	60
17	62
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Данила Тереньтьевич Зайцев

Повесть и житие Даниила Терентьевича Зайцева

Подготовила к изданию *Ольга Ровнова*
Руководитель проекта *И. Серёгина*
Корректоры *Е. Чудинова, М. Миловидова*
Компьютерная верстка *А. Фоминов*
Дизайнер обложки *С. Андреевич*
Фото на обложке *Митя Алешковский*

© Д. Зайцев, 2015
© Предисловие. Комментарии. Словарь. О. Ровнова, 2015
© Предисловие. П. Алешковский, 2015
© ООО «Альпина нон-фикшн», 2015

Все права защищены. Никакая часть электронного экземпляра этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

Такое вот житие

Середина ноября 2012-го – в Аргентине поздняя весна, жарко, болит нога, местная колючка пропорола подошву. Колючки тут везде. Мы вышли из машины. Я бреду, прихрамывая, по высокому берегу озера, вверх, едва поспевая за Данилой.

– Увидишь сам, где деревня будет стоять. Красота!

И вот перед нами раскрывается огромное рукотворное озеро. В прошлом году мы ловили тут рыбу, Данилин старший сын Андриан ставил тогда три сетки – наловили три картофельных мешка.

– Вот она – Нуэва Эсперанса! – Данила стоит, как ветхозаветный Моисей, воздев руки. Он взволнован, смотрит вниз на бурую, слежавшуюся землю, поросшую колючим кустарником. – Здесь, на террасе, построим большую деревню. Всем земли хватит, многие собируются приехать.

Нуэва Эсперанса означает Новая Надежда. Он шел к ней всю свою непростую, кочевую жизнь. Вечером у костра Марфа, его жена, скажет: «Я тут посчитала, мы с Данилой пятьдесят один раз кочевали». Скажет просто, но не сдержится, улыбнется, спрячет за улыбкой смущение.

* * *

Как и большинство русских людей, староверы не стесняются показывать эмоции – они легко плачут, растроганные до глубины души, потому что слово, письменное и устное, если речь идет о святых, принимается и понимается ими традиционно как истинная правда. Рассказ, всегда эмоционально окрашенный, нередко прерывается слезами очищения.

– Вот Красная площадь! Я там был. Идешь, смотришь на всю эту красоту, аж дух захватывает! Мечтал увидеть, так сбылось!

– Данила, ну что такого в Красной площади?

– Попробуй понять. Я рожден в Китае, столь слышал, столь мечтал, и вдруг сподобился увидеть. Для меня это – все, все значит! Как словами передать?

– Так ты и передал.

Данила, всплакнув, улыбается.

– Понял теперь?

– Понял, Данила.

Таких разговоров-мечтаний довелось услышать много. Почти каждый признавался, что мечтает скопить денег, чтобы «лишь одним глазком поглядеть на Россию». Они не видели ее, но думали беспрестанно, не теряли внутренней связи с ней. Зла и гонений не забывали, но пересиливала глубинная тяга к покинутой земле с могилами предков, а что-то – своих предков и родословную настоящий старовер чтит и знает назубок, как Отче наш.

– Вот вы по учебникам учились?

– Конечно.

– И мы учились. По старым, советским. У нас на них Ленин и Сталин были нарисованы и чернилами замараны. Веришь, я тогда понятия не имел, кто такие Ленин и Сталин, но точно знал – бесы!

Три поколения, выросшие вне российских пределов, сохранили язык – одну из главных своих святынь. Священные книги, жития святых и Прологи, читаемые в воскресное утро, после службы, Священное Писание и Устав церковный – главный закон жизни для каждого

– читаются на родном, русском, точнее – церковнославянском, с него же и начинается обучение. Детей заставляют твердить: «Аз, буки, веди, глаголь, добро».

Первое впечатление от русской деревни в Латинской Америке – такого не может быть: бородатые мужчины в разноцветных русских рубахах с вышивкой по вороту и манжетам, подпоясанные ткаными поясками, девушки в ярких платках и сарафанах, замужние женщины в шашмурах – особых головных уборах, подчеркивающих их социальный статус. Все наделенные той красотой, которая достигается только при наличии спокойного сердца, проявляется на лице только при наличии внутренней свободы. К тебе подходят без всякой боязни, здороваются, выяснив, кто ты такой и зачем прибыл, зовут в дом, расспрашивают о России. Нас тянет друг к другу обоюдно, улыбки сближают моментально, родной язык спаивает накрепко возникшую приязнь.

– Странные вы какие, говорите, как мы, а одеётесь не как мы, – замечает мне девица Евлампья.

Мы вместе начинаем смеяться. Странно. И правда странно, но весело, аж дух захватывает.

А имена: Дионисий, Гермоген, Дий, Евгений, Ирина, Марфа, Авраамий, братья Дементий и Клементий, Герман, Февруса, Сара, Фауст, Агафагел – ухо жадно, с радостным изумлением ловит эти забытые имена, древние, но живущие здесь и сейчас. Я глубоко убежден: любой, кто увидит латиноамериканского старовера, влюбится в него в мгновение ока. Они – наша утопическая мечта о потерянном рае, о безвозвратно ушедшем времени. Лишь потом, когда погрузишься в их повседневную жизнь, точнее поверхностную часть ее (староверы ревниво оберегают свои устои и своими личными проблемами не делятся с чужаками), все становится на свои места. Люди как люди, со своими счетами, претензиями, обидами, а все же другие, сохранившие что-то важное, растерянное нами в городской цивилизации, крестьяне, живущие на земле, от нее питающиеся, любящие ее и понимающие так, как нам, может быть, никогда не будет дано. Они – весомая часть позапрошлого века, но живая, негнибаемая, перенесшая адские муки и страдания, кочевавшая, кочевавшая и еще раз кочевавшая, дабы сохранить то, ради чего и живут, – веру, устои, свои святыни.

Люди все разные, кто-то живет богато, огромной семьей в двенадцать – пятнадцать детей, кто-то скромно, дети отъехали в «Норд Америку», звонят по «селюляру», то есть по мобильному, пишут письма, наезжают гостить. Два поколения, обрабатывающие земли в Латинской Америке, постепенно приумножили маленькие наделы дедов, и некоторые владеют теперь семьюдесятью – сотней гектаров пашни. Роднят и объединяют всех узы родства: за столь долгое время все пережились, покумились, и родство здесь чтут и считают тщательно, до седьмого колена, как постановлено Уставом. Еще роднит, сковывает, снимает обиды и разногласия общая моленная – дом Господа, где каждое воскресенье с глубокой ночи до утра ведут службу степенно, проникновенно, как это делали многие поколения их предков.

И все же их тянет в Россию. Некоторых гонит нужда, некоторых – глубинная мечта и вера в то, что настоящее спасение возможно только на родной земле, как поговаривают некоторые старики. А ведь ради спасения души они и живут, трудятся нещадно под жарким солнцем Аргентины и Уругвая, от зари до зари, страдают от гнуса и душного субтропического климата в Боливии и в бразильской сельве.

В девяностые, когда стало возможно приехать и посмотреть на российскую жизнь, самые отчаянные отважились, съездили. Нашли, казалось, навсегда потерянную родню. Никогда о ней не забывали, как и наши, приморские староверы, отсеченные границей от маньчжурских беглецов, помнили, чаяли повидать латиноамериканских родственников.

В июне 2006 года была утверждена «Государственная программа по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, прожива-

ющих за рубежом». Где-то наверху подумали: а вот перевезем-ка мы настоящих крестьян назад, поднимем наши пустоши, возродим крестьянство. Вероятно, родилась эта идея в голове чиновника-романтика, кто взглянул на ровные ряды кукурузы и фасоли, зеленые поля сои, арбузные бахчи латиноамериканских староверов. В голове того чиновника, сразу обомлевшего от счастья, ясно пронеслась мысль – вот она, мечта, и именно ему-то дано будет осуществить ее, построить рай на земле и заодно выгодно отличиться перед вышестоящими. Всего-то дел – перевезем, дадим подъемные, и начнется наше расчудесное возрождение, и пустующие земли заселим, и пример спившимся местным мужикам подадим, выступим эдакими новыми Столыпинами. Красивая, утопическая мечта. Сказано – сделано, программу запустили.

Понятно, что и староверы, услышав, что их настойчиво зовут на родину, причем зовут уважительно, и не кто-нибудь, а первые лица государства, обещают дармовые богатые земли, думали-думали, да и отважились. По исконной традиции мужики-староверы уважают и побаиваются генералов и высоких начальников. Земля – главное богатство крестьянина, они поверили, потому как очень хотели верить. Первые, самые бесстрашные, продали все, что имели, и бросились в бездонную Россию, получили российские паспорта...

* * *

...И тут начинается новая страница. Печальная. Родина оказалась не готова. Чиновники на местах косны, и трусливы, и обманчивы (чего стоит только один рассказ в книге Данилы Терентьевича о красноярской Пасхе). Помогающие (а таковых сыскалось немало) бессильны, ибо в них разглядели не благодетелей, а скрытых лазутчиков, позарившихся на «легкие деньги». Столкновение людей, воспитанных на примерах реального латиноамериканского капитализма и российской действительности, родило недееспособного уродца. Вина лежит на обеих сторонах. Староверы хотели много земли и душевного спокойствия – дайте нам и не трогайте. Так они привыкли жить в демократической Аргентине, в Уругвае, в Бразилии, где все веры, секты, религии сосуществуют друг рядом с другом, владеют землей и платят одни и те же налоги. Позвольте воспитывать своих детей, как мы привыкли, просили староверы, им это обещали, но очень скоро выяснилось, что детей надо бы определить в общую школу. На бумаге все выглядело гладко – действительность оказалась иной, жесткой и холодной. Любви, зародившейся от встречи, от взгляда глаза в глаза, не произошло. Скажу сразу: о многом подобном в книге Данилы Терентьевича не написано – он делится своим опытом, личным, он же не участвовал в программе переселения, он кинулся в российский омут самолично, и в этом был резон, он не принял гражданства, а потому смог уехать, вырваться из кабалы, в которую чуть было не попал.

На мой взгляд, программа провалилась. Люди здесь оказались не готовы. Люди из Латинской Америки – тоже. Нет бы спокойно и взвешенно подготовиться, выделить староверам профессионально обученных социологов и экономистов, эдаких кураторов-нянек, людей, понимающих, с кем и ради чего имеют дело. Но в здравницах и прекрасных мечтаниях потонуло дело, о живых людях забыли. В результате семью Мурачевых, например, переехавших на Дальний Восток из Боливии, поселили поначалу на границе с Китаем в Уссурийском районе, в Корфовке, в пустующие квартиры хрущевской еще пятиэтажки, – это людей-то, привыкших жить в своих домах, буквально на земле! Земли в Дерсу выделили, но не те, что нужны земледельцам, – клоки, а не сплошная пашня, клоки, годные только под огород, плюс, правда, выделили землю под покосы, а им, готовым поднять целину, мечтавшим о бесконечных километрах полей, – того, о чем мечталось, за чем и ехали, не досталось. Вот и возникла вновь, возродилась почти умершая деревня Дерсу в Приморском крае, в ней около восьмидесяти староверов, поселившихся в брошенных домах, часть из которых была в таком

состоянии, что пришлось затягивать прохудившуюся крышу пленкой, и это при тамошних морозах! Они живут себе, «дёржутся» в вере, молятся, рожают детей, обрабатывают «огородины», снимая богатый урожай, но обещанных пашен нет, как будто о них и разговора не было. Значит, нет и денег, вырученных от продажи урожая, нет и комбайнов, и тракторов, а без денег движение дальше – лишь мечта, точнее – привычная российская безнадега.

Повесть Данилы Терентьевича Зайцева рассказывает о первой попытке переселения. Причем, снова подчеркну, не надо путать: Зайцевы приехали не по программе, а на свой страх и риск. Не обошлось и без хитрости – если семья тестя взяла российские паспорта, отказавшись от латиноамериканских, то Зайцевы скрытно оставили аргентинские документы, а российского подданства сразу не взяли: а вдруг... Это и помогло им вырваться назад, когда, казалось, уже никакого выхода из создавшейся ситуации нет и быть не может. Данила Терентьевич красочно описывает все их мытарства на древней родине, с горечью объясняя, оправдывая свое решение вернуться назад. Но нашлись уже голоса, что и обвиняют Данилу Терентьевича, и путают события, порой сознательно, ибо знают, «чье мясо съели». Зайцевы приехали, были поначалу обласканы всеми, получили помощь, и немалую, и... все разлетелось, не срослось...

Опыт оказался печальным и, главное, закрыл на долгие годы ворота тем, кто приглядывался, прислушивался, мечтал и раздумывал спастись на родине, как завещали им их старики. Кругосветная одиссея староверов продолжается. Остается только верить и надеяться, что те, кто начал новую жизнь, приживутся и, дай-то Бог, освоят-таки пустоши и просторы Приморья, благо земли у нас, как нигде в мире, много. И земля богата и обильна, что с радостью и гордостью отмечают сами переселенцы. Хочется верить, но нет, не стану тешить себя мечтой. В своей книге Данила Терентьевич вынес вердикт: в России отличное образование, к нему бы прибавить еще «божество и приват»!

Божество божеством, тут с искушенным спорщиком-старовером не поспоришь, да и не надо. А вот то, что с «приватом» (то есть с частной собственностью) дела обстоят традиционно, сиречь – печально, спорить не приходится.

Воистину и ныне «земля у нас богата, порядка в ней лишь нет», как писал Алексей Константинович Толстой.

* * *

Гонимые властями русские староверы постоянно «кочевали», они и теперь легки на подъем – семья Зайцевых тому пример. Не прижившись в России, он вернулся назад в Аргентину. Мечтал получить землю и строить свою Новую Надежду. Круг замкнулся? Одиссея закончена?

Пятьдесят четыре года жизни. «Одиннадцать детей, пятнадцать внучат», как напишет он о себе в одном официальном документе – не без кокетства, но и с гордостью, напоказ выставляя свое истинное и пока единственное богатство. Пятьдесят одно кочевье. И твердое понимание, что нужно сделать, чтобы сохранить привычный с детства уклад, родной язык и, главное, завещанную отцами веру, чтобы все это богатство не растворилось, не потерялось, не сгнуло в других землях, на другом континенте.

Сколько раз он корчевал лес? Вырубал и жег кустарники? Ровнял бугристую землю? Сажал и собирал урожай? Столько, сколько было надо. «Работали тяжело» – постоянный рефрен этой удивительной повести.

Тяжелый труд сродни молитве – долгой и вдохновенной, как научили. Неспешной. Глубокой. Но почему-то всю жизнь зацепиться за свою землю, осесть крепко не случилось. И шли дальше. И ссорились с женой, не уживались с соседями, прощали обманы, уходили. Как уходили их предки.

И всегда теплилась мечта – заводить поутру свой трактор и отправляться на свою пашню...

Староверы Латинской Америки, как и любые переселенцы, начинали с нуля. Это сегодня в бразильских и уругвайских деревнях стоят на дворах огромные зеленые комбайны «Джон Дир» ценой с хороший «кадиллак» или «порше». Третье поколение староверов обрабатывает уже по сотне, и зачастую не одной, гектаров земли. И в разговорах вспоминают первый простенький трактор – вспоминают как счастье, начинали-то на лошадях. Богатство у староверов приветствуется. «Будь богат, но будь милостив!» Вторая половина формулы куда как важнее. Они работают весь световой день, без дневного пересыпа в самую жару – сиесты, как тут принято, и копят: иначе не выжить группе людей, крепко держащихся за религиозные устои – главное, ради чего и стоит жить. Все знают: на земле они – странники, трудятся ради той, *иной* жизни. Но живут этой, обычной.

«Повесть и житие» – книга не обычная. Она стара, как христианский мир, потому как опирается на древнюю, средневековую литературную традицию. Она на удивление горяча: традиция оказалась живой, и это ли не чудо?

Рассказ начнется с перечисления предков – с того, что свято для всякого старовера: без знания многочисленной родни не женить сына, не выдать замуж дочь, родство до семи колен – барьер, сохраняющий кровь в чистоте. Родословная – та же история, одно тянет другое – и вот восстают из небытия образы мучеников, страдавших за веру совсем недавно, в окаянном двадцатом веке. И здесь рассказчик следует канону подобных писаний: свидетельство – закон для христианина. «Повесть и житие» – емкое, точное название и одновременно определение жанра, отсыл к первоисточникам. Книга вскоре вырулит на сегодняшнюю тропу, чтобы в постоянных отступлениях возвращаться назад. Время едино для древлеправославных христиан – нового народа, каким они осознают себя по сравнению с ветхими иудеями. Муки первых византийских и малоазийских страдальцев за веру, о которых читают в Прологах по воскресеньям, они воспринимают так же остро и свежо, как незабвенные муки пострадавших от рук большевиков дедов и прадедов. Эти временные сдвиги, сбивки обогащают дыхание прозы Данилы Терентьевича, создают особый узор, который сродни староверческой вышивке, вобравшей в себя умения всех времен и стран, что пришлось им пройти на своем пути.

Всякий, кто окунется в покаянный рассказ Данилы Терентьевича, не сможет не почувствовать силу его слова, слога. Порой кажется, что тяготы, выпавшие Даниле Зайцеву, не под силу человеку. Но в книге легко уживаются вещи страшные и веселые, смех и юмор соседствуют с неподдельным страданием и страстями, низкое идет об руку с высоким, а Божественное спутешествует с богохульством. Голос рассказчика прям, он тянет, как локомотив, и этот разговорный ритм не оставляет, и поражает, и заражает особой силой и красотой нелитературной, диалектной русской речи, узаконенной на страницах повести силой писательского дара. Как ни наивны кажутся порой слова, как ни смешат ошибки правописания в рукописи, за которые в школе поставили бы жирную двойку, – за этой простотой предельная, покаянная честность и традиция назидательно писать о прожитом, сверяясь с собственным музыкальным слухом. Ведь этот рассказ создан не только для нас, но и непосредственно для одиннадцати детей и семнадцати внуков.

* * *

Мне очень хотелось бы поставить здесь точку, вернуться в Аргентину через два-три года, посмотреть на строительство Нуэвы Эсперансы, но, видно, не судьба. Что-то не срослось и тут: проект, столь красиво задуманный, казалось, был совсем близок к осуществле-

нию, но неожиданно развалился как карточный домик. Данила Терентьевич Зайцев совершил пятьдесят второй переезд, откочевал в соседнюю Боливию, где открыл... пекарню.

– Боливийцам наш хлеб очень нравится. Тут все дешево, можно легко подняться! – весело сообщил он мне по телефону. Затем добавил мрачно: – А в Аргентине, не спрашивай, не пошло.

Я не стал спрашивать подробно: какой смысл мучить человека? Что будет там, как все сложится на новой дороге, останется за страницами книги.

И вот – последняя новость: Данила Терентьевич с семьей снова перекочевал, назад в Аргентину... Жизнь от жития отличается, сильно отличается.

Петр Алешковский

Автор, его книга и принципы ее публикации

Биография автора этой книги необычна, как необычна история ее написания и выхода в свет. Данила Терентьевич Зайцев – старообрядец часовенного согласия из Аргентины, потомок нижегородских старообрядцев-«кержаков». Он родился в 1959 году в Западном Китае, в провинции Синьцзян, в семье старообрядцев-часовенных, вырос в Аргентине, куда семья переехала в 1961 году в ходе массового переселения старообрядцев из Китая в Южную Америку. Ему довелось жить в Уругвае, Бразилии, Боливии, Чили, США, России. Его родной язык – русский диалектный, образование – четыре года аргентинской школы. Данила свободно говорит по-испански и по-португальски, от крестной матери научился читать и писать по-русски, под руководством стариков и тестя освоил церковнославянскую грамоту. Он женат на Марфе Федоровне Килиной, старообрядке часовенного согласия, имеет одиннадцать детей и семнадцать внуков, в настоящее время вместе с семьей живет в Аргентине. «Повесть и житие» – его первая книга. Толчком к ее написанию послужила драматичная история переселения Д. Т. Зайцева с семьей в Россию весной 2008 года и возвращения в Южную Америку осенью 2010-го. Во время первого, «оптимистичного» этапа переселения старообрядцев о них много писала российская пресса. О втором, «пессимистичном» этапе, о решении возвратиться в Южную Америку и работе над книгой Данила рассказал сам на радиостанции «Эхо Москвы» в передаче «Своими глазами», когда зимой 2012 года приезжал в Москву.

Я познакомилась с Даниилой Зайцевым в ноябре 2006 г. в Уругвае, во время своей первой экспедиции к старообрядцам Южной Америки. Отработав в Аргентине и завязав там, в Патагонии, первые контакты с живущими на своих чакрах в окрестностях городков Чоэле-Чоэль, Луис-Бельтран и Ламарке старообрядцами, мы вместе с Ханнесом Яэром – моим напарником из Тартуского университета, водителем и фотографом – отправились в Уругвай, в деревню с библейским названием Офир, предупрежденные, что там «закон строже держут». И действительно, наставник Иван Данилович Берестов с нами «обошелся по-холодному», как потом напишет в книге Данила. Мы дважды приезжали в деревню, и оба раза на мои профессионально поставленные вопросы (так казалось мне, диалектологу с приличным уже опытом работы в старообрядческой среде), на просьбы рассказать об истории общины и жизни старообрядцев в Уругвае, на рассказы об экспедициях ученых к старообрядцам в России и других странах наставник отвечал вежливо и коротко: «А мы не хотим». О том же, чтобы попросить разрешения включить диктофон или сфотографировать, нельзя было и помыслить... Во второй день Ханнес, отлучившийся к машине за привезенными в подарок книгами, вернулся к дому Берестовых с известием, что встретил на улице «какого-то старообрядца», который живет не в этой деревне, а отдельно от всех, и тот приглашает нас завтра в гости. Я подошла: это был Данила Зайцев. На следующее утро мы отправились в путь, не без приключений отыскали на берегу реки Уругвай место под названием Эспинижар, где в пустующих домах для рабочих уже не работающей тростниковой фабрики обосновался Данила с семьей, но его не застали (как оказалось, в дороге у него сломалась машина) – и провели весь день за разговорами с его женой Марфой.

Вторая встреча произошла через полтора года в Москве: зная о президентской программе переселения соотечественников в Россию, в апреле 2008-го Данила вместе с 15-летним сыном Софонием приехал «на разведку» и «стоял» в поморском храме в Токмаковом переулке, где я их и разыскала. И впоследствии, во время пребывания Зайцевых в России, мы еще несколько раз встречались с Даниилой во время его коротких приездов в Москву. На встречи я брала диктофон и записывала рассказы о том, как обстоят дела с переселением, поражаясь его колоритной диалектной речи, таланту рассказчика и перипетиям жизни в Рос-

сии. Летом 2009 года он сообщил, что они с семьей приняли решение возвращаться из глухой красноярской тайги обратно в Аргентину: «Жалко уезжать с матушки-родины, но с нашего рая, Олечья, ничего не будет». Помню, добавил: столько узнал, понял и пережил в России, что «прямо хоть книгу пиши», а я, особо не задумываясь, поддержала: «А ты напиши!» И он написал...

Так мимолетное знакомство превратилось в многолетнюю дружбу, и наступило время «Повести и жития».

* * *

Книга написана удивительно быстро для текста такого объема. На первой странице рукописи стоит дата «18-11-09»; первые четыре тетради Данила отправил мне по почте из Уругвая в апреле 2010-го, пятую и шестую привез в июле 2010 года, когда приехал в Россию, чтобы вывезти семью из тайги и отправить обратно в Южную Америку. Затем в работе над книгой наступил перерыв: Зайцевы осели в Аргентине, и нужно было налаживать жизнь на новом месте. В ноябре 2011 года состоялась очередная экспедиция под моим руководством в Уругвай, Аргентину и Бразилию, и мы с писателем Петром Алешковским, вошедшим в состав ее участников, навестили Данилу в Неукене. Писатели познакомились, понравились друг другу, и Петр убедил Данилу продолжать работу над книгой. Однако последнюю, седьмую тетрадь пришлось ждать около полугода: только в мае 2012-го Данила передал с оказией последнюю часть рукописи, и мы с П. Алешковским ездили ночью в аэропорт Домодедово встречать двух незнакомых православных священников, которые согласились выступить «почтальонами».

Слово «житие» в названии книги не должно вводить в заблуждение. Это не «житие» в традиционном для литературоведения понимании одного из жанров христианской литературы, это долгое повествование о жизни – произведение светское, но написанное человеком с религиозным сознанием, которое определяет многие изложенные в книге сюжеты, отношение к событиям, людям, самому себе. Конечно, в выборе названия для своего труда, которое безусловно содержит аллюзию на известный жанр христианской литературы, называется знакомство современного старообрядца не только с религиозными, но и светскими сочинениями.

В книге рассказано о многих старообрядческих родах, о переселении из России в Китай и потом в Южную Америку, о трудных первых годах жизни в Аргентине, о сложных межличностных отношениях в общинах, имеющих первопричиной внутриконфессиональные различия между «синьзянцами» и «харбинцами», об их обычаях, повседневных заботах, семейных отношениях, нравах – и, конечно, представлены разнообразные человеческие характеры. В «Повести и житии» воссоздается современный мир старообрядцев Южной Америки, который, как и любой другой «мир людей», отнюдь не идеален, живет противоречиями, конфликтами и страстями, в нем есть и подлецы, и мученики, и святые. В центре повествования – жизнь самого автора и его семьи, с подробным рассказом о приезде в Россию в апреле 2008 года, жизни сначала в Белгородской области, потом в Саяно-Шушенском заповеднике (Красноярский край) и возвращении в Аргентину в сентябре – октябре 2010 года. Рассказывая о себе, Данила Зайцев не скрывает своих срывов и падений. Пафос и покажанные слова, звучащие со страниц, идут из горячих глубин души автора. По сути дела, эта огромная работа и была проделана им для того, чтобы очиститься от кривды, разобраться в тех порой невероятных обстоятельствах, в которых ему суждено было побывать. Бесстрашно и страстно он ищет правду, а если кого и осуждает, то с полным пониманием того, что делает это ради единственной высшей правды – Правды Христовой, которую и должен искать всю жизнь православный человек.

«Повесть и житие» относится к литературе нон-фикшн, к «невывымышленной прозе». В кругу опубликованных произведений, написанных «простыми людьми», книга Д. Т. Зайцева занимает особое место. Она значительно превосходит их объемом (35 авторских листов), эпическим охватом событий, количеством действующих лиц и, не побоюсь сказать, масштабом дарования автора. Он – незаурядная личность сам по себе и, одновременно, представитель особого старообрядческого мира с особенной исторической судьбой. Он же – представитель редкого в современном русском социуме типа рассказчика, наделенного талантом к длительной монологической речи, построенной по законам словесного искусства и обладающей мощным эмоциональным воздействием на слушателя, и он же – талантливый писатель (единственный, которого на сегодняшний день дала старообрядческая среда Северной и Южной Америки). Наконец, книга Данилы Зайцева действительно написана «на исконом языке неисковерканном» – на русском диалектном языке, который избежал воздействия литературного языка, стирающего диалектные черты, словно ластик-«шоркалка».

В жанровом отношении «Повесть и житие» является сложным сплавом многих светских и христианских жанров древнерусской литературы. В ней есть черты летописи, бытовой и сатирической повести, хождения, плутовского романа, жития, проповеди, поучения, исповеди; в текст включены духовный стих об Алексее, человеке Божьем, сказки, исторические анекдоты и многое другое.

* * *

Рукопись книги представляет собой семь общих тетрадей в линейку форматом А4 со сплошной нумерацией страниц (всего их 805); она не завершена по вполне естественной причине: в последней тетради кончились страницы. Текст написан русской гражданской азбукой, печатными буквами в сочетании со скорописными, без разграничения прописных и строчных; основной пунктуационный знак – запятая. Деления на какие-либо сюжетно-смысловые части (абзацы, главки, главы) рукопись не имеет. С точки зрения школьного учителя весь текст – сплошная орфографическая ошибка: он написан с помощью фонетического письма (начальная страница рукописи воспроизведена дизайнером Сергеем Андриевичем на обложке). Автор пишет, как говорит, более того – когда пишет, то, по свидетельству П. Алешковского, проговаривает слова вслух. Тем не менее оказалось, что фонетическое письмо Данилы Зайцева имеет интуитивно разработанную им графическую и орфографическую систему. Текст отражает многие черты архаичного говора старообрядцев Южной Америки, как лингвистический источник рукопись сопоставима по ценности с памятниками древнерусской и старорусской письменности, в том числе с новгородскими грамотами. Однако П. Алешковский убедил меня в необходимости в первую очередь издавать «Повесть и житие Данилы Терентьевича Зайцева» как литературное произведение, а не как памятник письменности.

Основной принцип, которому я следовала при подготовке рукописи к публикации, – не вмешиваться в текст и не подвергать его литературному редактированию в привычном смысле. Я сохранила построение фраз так, как оно есть у автора. Иногда они покажутся корявыми, однако эти синтаксические «корявости» открывают нам, как у человека устной культуры происходит процесс перехода мысли из устной формы в письменную, и тем особенно интересны. Текст «Повести и жития» переведен в литературную орфографию, с передачей наиболее ярких фонетических черт в родном диалекте автора и сохранением в некоторых случаях авторских написаний. Он оформлен по современным пунктуационным правилам; имеющиеся сокращения по возможности раскрыты. Сплошной текст рукописи разбит на отдельные предложения, диалогические единства, абзацы, пронумерованные главки. Следуя за рукописью, мы с П. Алешковским решили сохранить за самой крупной структурной

единицей текста – главой – название «Тетрадь», допуская некоторую подвижность границ между семью тетрадами-главами по сравнению с оригиналом, если того требовало завершение сюжета. Текст снабжен постраничными лингвистическими и фактологическими комментариями. В диалектных словах, некоторых литературных, имеющих в диалектной речи другое ударение, а также в некоторых формах слов поставлены знаки ударения. Книга завершается «Словарем диалектных, устаревших и малоупотребительных слов и выражений», дающим представление о лексическом богатстве индивидуальной речи автора и его родного диалекта.

Чтобы книга, по выражению автора, «вышла на воздух», мы с Д. Т. Зайцевым проделали большую совместную работу. Я признательна Российскому гуманитарному научному фонду и акционерной компании «Транснефть» за финансовую поддержку экспедиций Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН в старообрядческие общины Южной Америки в 2011–2013 годах. Во время экспедиций я имела возможность встречаться с автором, мы много часов провели вместе за разъяснением непонятных мне фрагментов текста, диалектных слов и выражений. В 2011 и 2012 годах это было в Аргентине, в гостях у Данилы в Неукене, в ноябре 2013-го – в Боливии, в Санта-Круссе, куда он вместе с женой Марфой специально приехал из Аргентины. В Санта-Круссе фотограф Митя Алешковский и сделал снимок, помещенный на обложке книги.

Я также благодарю моих друзей и коллег из разных городов и стран – из Москвы, Санкт-Петербурга, Пскова, Калуги, Орла, Петрозаводска, Омска, Новосибирска, Магнитогорска, Томска, Владивостока, Симферополя, Киева, Одессы, Донецка, Луганска, Санта-Круса, Торуня, Риги, Даугавпилса, Вильнюса, Тарту, Локсы – за поддержку словом и делом в долгой работе над подготовкой к изданию книги Данилы Зайцева.

*Ольга Ровнова
Эстония, Локса,
август 2014 г.*

Тетрадь первая

1

Предки моего отца. Прадед Сергей Зайцев из Томска, прозвища кержаки. Кто и в какое время выехали из Керженса¹, не знаю. Дед Мануйла Сергеевич родился в Томске в 1898 году, в 1906 году переехали в Горный Алтай, а в 1918 году переехали в деревню Надон.

Предки моего отца с материнной стороны. Прадед Агап Пантелеяв из Алтая, Бухтармы. Баба Федора Агаповна родилась в 1903 году, в 1919 году переехали в деревню Надон, и в том же году вышла замуж за деда Мануйла. В 1921 году родилась Елена, 10 апреля 1922 года родился тятя Терентий Мануйлович. Баба Федора родила шестнадцать детей, но в живых остались семеро: Елена, Терентий, Капитолина, Григорий, Харитинья, Александра и Прокопий.

Семья Зайцевы были умеренно религиозны. Весёлы, голосисты, музыканты, в доме водилась гармонь, балалайка. Вели жизнь спокойную, жили в достатках, имели скота, сеяли зерно, были хороши рыбаки и охотники, жили умирённо, не захватывали и не завидовали, к религии относились благожелательно, но не аскетами, хотя деда Мануйла брат Егор был наставником. Жили очень дружно и весело, в деревне имели дружбу со всеми, и за это их любили, часто их дом был забит гостями, играла гармонь и балалайка, и пели песни.

Предки моей матери. Прадед Корнилий Захарьев, по прозвищу кержаки. В какое время выехали из Керженса – неизвестно, как попали в Алтай – не знаю. Мой деда Мартивьян Корнилович родился в 1902 году в деревне Чинкур.

Предки моей материнной стороны. Прапрадеда Иларивон Шутов с Урала, потом стали называть Шутовская заимка, а впоследствии переименовали в Шутовские заводы. Был очень богат и очень религиозной, соблюдал все заповеди Господни, был добр и милостив. Но смерть его страшна и чудна. Когда пришли красны к власти, раскулачили и нашего прапрадеда. Казнили как могли, вырезали ремни, жгли, били, топили, издевались, томили в тюрьме. Бог знает что только ни делали, и в консы консах² повели их на расстрел. Поставили их к стене, дали команду «огонь». После выстрела все пали, а наш прапрадеда Иларивон как стоял, так и стоит. Подошли, в упор ишо выстрелили – он всё стоит. Подбежал старшина, хотел сашкой зарубить. Сашка переломилась – он всё стоит. Все обезумели. Он попросил пить. Подали ему напиться, он пивнул трижды, вообразил на себе крестное знамя, ляг и скончался. Это всем было ужасно.

Прадед Савелий Иларивонович скитался со своей семьёй и как-то попал в Алтай, деревню Чинкур. Наша баба Евдокея Савельевна родилась в 1905 году, в Чинкур попала девкой, от 1924 по 1926 год. Попали зимой – голодны, холодны, оборванны, пострадавшие, обратились к прадеду Корнилию Захарьеву за помощью. Захарьевы жили по-богатому. Прадед был очень религиозной аскет, но не милостив, за любую провинку детей избивал до полусмерти. Деда Мартивьян был старший, от все этих побояв получился травмирован, стал полудикой и боялся всего. Даже, когда приходили из моленной, прадед спрашивал, какая сегодня было поучения, у детей поочередно. Увы, ежлив подробно не расскажет!

¹ Керженец – один из ранних старообрядческих центров в глухих лесах по левому притоку Волги реке Керженец и ее притоку речке Бельбаш (Нижегородская губерния). Массовое переселение старообрядцев-кержаков на Урал и в Сибирь началось в результате разгрома керженского центра в 1710–1729 годах.

² В конце концов.

Вот прадед Савелий Иларивонович когда обратился к прадеду Корнилу, тот посмотрел на семью и сказал: «Отдашь Кейкю за Мартьянку – помогу, нет – как хошь». Родители погоревали, потужили. Что делать? Холодно, голодно, дочь жалко, жених пугливый – потужили да и отдали. Баба Евдокея его не любила, но что поделашь: родители просят, да и ситуация заставляет, а пойти против родителей – это Бога оскорбить.

Сколь прожили и когда женились – не знаю, но мать моя Настасья Мартивьяновна родилась 29 ноября 1933 года.

2

1933 год – начин войны, дунганы с Китаям. У дунганов план был завоевать у китайцев провинцию Синьцзян, особенно Горный Алтай. Стали наступать на город Шарасума, по пути к городу как деревни попадали китайски, вырезали всех, женчин и детей. Ето грозило и русским. Начальник города, дутун, знал, что китайцам с дунганами не справиться, так как оне невоисты. Обратился к нашим старообрядцам отстоять свой город, так как оне хорошие охотники, только оне могут помогчи. Послал отряд к русским старообрядцам с просьбой подать руку в беде. Наши боялись ввязываться в такие конфликты. Етот отряд китайцев, который шёл к нашим, – в пути их перехватили дунганы и всех перебили. Один раненый коя-как добрался до нас и сообчил, что дунганы за своим следом ничего не оставляют.

– Дутун с просьбой к вам: помогите прогнать дунган. Ежлив оне нас победят, всему населению будет беда и вам, русским, ета же судьба.

Тогда наши задумались и решили послать отряд в сорок человек хороших охотников. В пути сорвали один пост, взяли три пленника и указали: «Проводите нас в город Шарасуму, и мы вас убивать не будем, а нет – тут и положим, а в дороге все равно найдём провожатого». Пленники знали, что ето не пустые слова и разговор идет с честными людьми, повинились и ночами провели в город, наши их не тронули и отпустили.

Дутун с радостью принял наших бородачей, и всему городу была большая радость: знали, что к ним пришли славные охотники, которы их кормили мясом.

Тут наши организовались и пошли в наступление. Дунганы почувствовали силу русских, пошли на отступление. Русски сняли осаду с города и погнались за ними вместе с китайцами, прогнали и вернулись в город. Их встретили с великой радостью. Дутун просил наших остаться в полку, но наши не захотели и уехали домой.

После етого время стало неспокойно. Банды дунганов набегали на деревни и грабили, жгли, казнили и так далее, появлялись советские шпионы и разжигали дунганов. У дунганов было хорошее оружие, откуда оно – конечно, советское, а у наших самоделашно, вот и отбивайся как хошь.

3

Однажды советские пригласили наших старообрядцев на охоту, в эту группу попали троя наших – наш деда Мартивьян и ишо два мужика. Ушли и больше никогда не вернулись, и советские также – вот и догадывайся, что с ними получилось. Маме было шесть месяцев, осталась сироткой. Бабе Евдокее пришлось пахать и сеять, но она была сильна и здорова, кротка, богобоязна, добрая, её все любили и всегда называли Савельевной. Как-то раз в праздник на речке шутили и здумали бабу Евдокею сбросить в речку, но не смогли. Было их трое, баба всех сбросала в воду; свёклу одной рукой сжимала. Многи сватали вдовуху, но она ни за кого не выходила.

Так прошло десять лет. Тут появился Демид Шарыпов и давай сватать прилежно – баба Евдокея никак не выходила. Тут посторонние стали сватать: дескать, ты одна, тебе трудно, жених богатой. Но все знали: Демид Шарыпов злой, первая жена ушла в могилу лично от его рук, оставила ему дочь Наталью. Баба Евдокея погоревала да и вышла замуж за него. Это вышло за то, что в это время жила с мамой ни кола ни двора.

Почему так получилось. Было это в 1934 году, маме был год, дунганы начали мстить русским, за то что русски освободили китайцев. И вот набегают дунганы на деревню Чинкур. Баба Евдокея высаживала хлеб в печь, увидела сдалека пыль и догадалась, что это дунганы, схватила коня, маму под мышку и убежать, за ней ишо один дед. А остальных в деревне всех закармили, больших и маленьких, и всё сожгли. Русские за это обиделись и давай их выслеживать и бить. Обчим, спокойно не жили: хлеб сеяли, а винтовки всегда под боком были.

Баба Евдокея родила Демиду сына Степана и дочь Марью, маме было уже двенадцать лет. Демид Шарыпов правды очутился очень злой. Когда едет с работы, ворота должны быть открыты и на столе пища подана не горяча, не холодна. Не дай бог что не так – всем будет беда. Маме доставалось всех больше, так как она ему была чужая, за это он её ненавидел и издевался как мог, бил как хотел.

У бабе Евдокеи окрómя отца было двоя дядяв и одна тётка – Анатолий и Егор и Парасковья. Дядя Анатолий и тётка Парасковья остались в России, но судьба их неизвестна, а дядя Егор был в Китае. У бабе было два брата – Михаил и Ефим. Отца Савелия и брата Михаила убили на войне, а Ефим служил допоследу.

Как толька затихла с дунганами война, народ стал обживаться. Эта тишина стояла всего четыре года. Тут появился вождь Кабий – мусульман, но пошёл на китайцев и собирал войско, хто попадёт. Зашёл и к русским, хотел и русских забрать, но русски отказали: мол, оружие у нас нету и с китайцами не хотим враждовать. Кабий сказал: «Хорошо, мы у вас возмём двух заложников и поищем оружие. Ежливы найдём, то всех вас перережем». Вот тут-то было переживанья. Но слава Богу, не нашли, спрятано было очень хорошо, тогда заложников отпустили, и кабиевцы пошли на китайцев одне. Китайцы их поджидали город Канас, у них стоял 10-й полк. Как толька кабиевцы подошли, китайцы ударили с миномётов, кабиевцы стали отступать, а китайцы за ними. Эта война продолжалась не больше трех месяцев, и опять стала тишина два года с половиной.

Тут появился новый вождь, Оспан-батур, каргызин³, и собирал войско – всех, хто попал под руки. Хто не шёл, того казил, так что и русским пришлось пойти служить Оспану. Опять же политика была советская, советские дали Оспану оружие и дали флаг красный со звездой и полумесяцем. Это было от 1940 года по 1950 год. Советская политика была такая:

³ Киргиз.

китайцев с мусульманами сразить, а русских вернуть в Россию, Оспану внушали: «Завоеешь провинцию Синьцзян – будет ваша».

На эту войну попали дядя Ефим Шутов, деда Мануйла Сергеевич Зайцев, хотя оне и были на дунганской войне. Тяте было восемнадцать лет, он тоже попал на службу, прослужил один год и пошёл на войну. Эта война была нечестна, Оспан был не главнокомандующим, а как бандит, грабил, казнил, насиловал, сжигал, вёл всяки несправедливости, в полку имел шпионов советских. Ето притесняло наших старообрядцев, но некуда было податься.

Советские открыли экспедицию в Китай, и добровольцов принимали хорошо и платили хорошо. Тятю в 1946 году ранили, и он попал в больницу, пролежал в больнице три месяца. За это время оне списывались с отсом, и дед Мануйла внушал тяте: не вертывайся в отряды, потому что нет справедливости, убили того-другого-третьего. Тогда тятя ушёл на экспедицию и работал у советских, и много русских так же поступили, Оспан из рук советских не мог никого забрать. А в деревнях появились советские консула и стали агитировать, чтобы вернулись на родину, сулили горы: «Ничто вам не будет, нарежут вам земли, и будете жить спокойно, в России свободно». Но мало хто им верил. Слухи были противоположны: в России народ голодовал и жили нищими.

Однажды к Оспану подъезжает с отрядом вышняго рангу чиновник и друг Оспану – Жёлбарс, и стал при всем войске внушать Оспану:

– Друг, брось оружие, ето кончится нехорошим. Советские стравляют вас с китайцами и весь Китай объединяют, всех нас ждёт одно уничтожение, и ето кончится нехорошим.

Оспан отвечает другу:

– Ха, я здесь хозяин, всё ето моё. Никого не допущу, всех вырежу, но землю не отдам.

Тогда Жёлбарс другу:

– Но, друг, как хошь, – и громким голосом крикнул: – Кто за мной? – Тишина, и двадцать пять солдат вышли вперёд, все русски. В етим отряде был наш дед Мануйла. Жёлбарс сказал: – Хорошо, на таким-то месте буду ждать двадцать четыре часа, подумайте хорошень.

Тут наши старообрядцы задумались и решили все уйти с Жёлбарсом. Но советский шпион Осип предупредил Оспана не пускать русских солдат к Жёлбарсу: «А то обессилешь». Утром, когда русские были готовы выехать, Оспан приказал всех обезоружить, а хто побежит, того казнить. Тогда русские потихоньку стали уходить на экспедицию к советским.

В деревнях получились две партии: красные и белые. У красных была власть, и оне творили что хотели, грабили, били, издевались – над своими же. Мужики были на войне, жёны одне дома, и красны что хотели, то и творили. Много таких было, но лично нам запомнился – фамилия Шарыповы. Сам отец, Василий Васильевич Шарыпов, был спасовского согласия наставником, а сынок Яков Васильевич – красный атеист, изъедуга, кровопивец. Ниже узнаю о етой фамилии. Все ети красны имели советские паспорта.

На одной из деревень жила и баба Евдокея и рассказывала, как красные поступали с местным населением: садили на лёд, вымогали золото, грабили, уводили коров, забирали всё – продукт, посуду, оставляли голых. И слова не скажи – сразу казнить. Пошёл голод. Хто посмелея, побежали на юг в Илийский округ за тысяча вёрст, в город Кульджу: там было тихо.

Баба Евдокея жила за Демидом Шарыповым – однофамильсами, но не родственниками с теми Шарыповыми. Были александровского прихода часовенного согласия, жили в достатках, у Демиды всё было клеймёно, он был мастер на все руки. У бабе всё расташили: баню, городьбу⁴, дословно всё.

У Оспана было два русских офицера: Никифор Студенко и Лаврен Рыжков. Лаврен был идивот, трус и так далея, Никифор был герой, любимый солдатами и так далея. Впослед-

⁴ Ограду.

ствии Лаврен Рѣжков очутился в Бразилии и Никифор Студенко очутился в Парагвае. А это получилось вот так. Всё предвиделось, что с Оспаном всё кончится плохо, ночью собрались триста русских солдат и ушли от Оспана; в этой группе был и Демид Шарыпов.

1949 год. Тятя и все мужики вернулись с экспедиции с документами и взялись за красных – вёртывать всё. Тут и баба Евдокея всё своё вернула, так как у них было всё клеймёно. Тут был большой позор красным изменникам, и советские не вмешивались: знали, что изменники поступал неправильно.

Тятя в 1949 году посватал маму. Маме было семнадцать лет, а тятю двадцать семь лет. Баба не отдавала, говорила: парень разбалованной, семья слаба. Тут сватали молодья ребята и религиозны, но маме тятя понравился: красивый, весёлой, сапоги хромовы. Не послушала бабу: пойду да пойду. Но баба со слезами отдала и говорила: «Настыкя, будешь слёзы лить».

Расскажем малёнькя об Ивановых. Фёдор Иванов с России попал до революции, в какие годы – неизвестно. Когда наши бежали с России после революции, то Ивановы уже жили очень богаты. На речке Сандырык копали золото, то Ивановы его скупали. Фёдор Иванов был грамотный и умный, все его любили и все к нему шли на работу охотно, потому что он платил очень хорошо, за хорошую работу всегда переплачивал и был милостив, часто ставил обеды бедным; кто приходил с просьбой, всегда шёл навстречу, никогда не отказывал. Популярность его всегда росла, и выбрали его губернатором. Служил он честно, все его любили. Был у него один сын Сидор Фёдорович, а у Сидора пять сыновей и три дочери. Живут в Бразилии.

1950 год. Комиссия властей – китайцев и советских – приехали проверить, что же войско Оспана, и решили, что это просто банда, и решили заплатить хорошую цену, кто выдаст Оспана. Тут нашлись свои же каргызы и, связанного, отдали его китайцам, а остальным власти китайски объявили сдать. Русски сразу сдались, их посадили, на слабом режиме – кого как, по-разному.

Про деда Мануйла никаких новостей, но знали, что он ушёл с Жёлбарсом. Но это был очень умный человек. Он прождал двадцать четыре часа; так как никто к нему больше не пришёл, он отправился со своим отрядом мирным путём, никого не обижал, с нём шёл американский консул. Оне через Монголию и Тибет попали в Индию, там оружие сдали, им дали свободу. Наши русски, двадцать пять человек, через американская консульство попали в Америку, в Нью-Йорк. А те триста человек, в котором дед Демид Шарыпов, отступали, шли пакостили, громили, местное население обижали. Их окружили, всех пословили, кого казнили, кого расстреляли, так что баба Евдокея опять осталась вдовой.

Тут появился советский какой-то Лескин. Но это политика уже была – русских вернуть в Россию, а китайцев усилить во всем регионе. У каргызов на флагу убрали полумесяц, и стал китайский красный флаг со звездой. Русских старообрядцев стали притеснять, чтобы вернулись на родину. Кто сумел заполнить анкеты – запрос в ООН, тот сумел спастись, а кто не сделал запрос, те все вернулись – но не на родину, а на целину: в Киргизстан и Казахстан. На границе их обобрали и оставили без ничего. Вот тебе и земли и свобода!

У тяти с мамой в 1951 году родился сын Симеон, прожил шесть месяцев и помер, в 1953 году родилась дочь Евдокея, в 1955 году родился сын Степан. В 1956 году переехали в Илийский округ, город Кульджа, деревня Кинса, тут в 1957 году родился сын Григорий, в 1959 году родился сын Данила, в 1961 году родилась дочь Степанида.

Тятя принадлежал собору слабому, звали его общиной старообрядцев. Употребляли всё с базару, обряд тоже не соблюдался, одевались по-городски, за музыку ничто не говорили, имели балалайки, гармони, пели песни, танцевали и так далее. Тятя на службе и на экспедиции нахватался вредных привычек: пить напитки, курить, ходить по девкам, материться. Но жениться не хотел на развратнице, искал порядошну и религиозну девушку. А мама как раз была такая: выращена в строгим религиозным режиме, с базару ничего не брали, обряд

строго соблюдался, и музыки были под запретом. У тяти с мамой сразу же после свадьбы пошло коса на камень: с одной стороны всё можно, с другой – всё грех и нельзя.

А тут пришёл со службы дядя Ефим Савельич Шутов, бабин брат. Всю свою жизнь провоявал и нахватался всего нехорошего – обчим, вернулся полным развратником, и схлестнулись оне с тяттей, и стали жить на все четыре стороны. Баба брата ругала, мама с тяттей схватывалась, тятина мать не ввязывалась, так как сами жили по-слабому, дед в Америке, семья большая, и было не до них. Тятя с дядяй Ефимом занимались охотой, были хороши охотники, били маралов во время пантов и сдавали китайцам, оне хорошо платили, а так ходили на козулю⁵ и на свиньей и сдавали мясом.

Когда тятино рódство собралось в Россию, тятя тоже засобирался. Мама категорически отказалась: «Хошь – езжай, но я не поеду и детей не дам».

Баба Евдокея в третяй раз выходит взамуж – за Тимофея Корниловича Пяткова, вдовца, семеро детей, но очень добрый, порядошный и религиозный. Баба Евдокея до самой кончины хвалилась етим мужем, да и маме досталось много добра от него.

Дядя Ефим Шутов женился не знаю когда, но взял вдову, Марью Епифановну Ефимову, с двумя дочерями. Но почему-то ети дочери оказались в России, а оне родили шесть дочерей и одного сына. Сын помер, а остались у них дочки: Вера, Фрося, Марьяна, Паруня, Пана и Глива. Ниже опишем о судьбе етих девок.

Всё мамино рódство собралось в Илинский округ, и тятю некуда было деваться, пришлось ехать с семьёй, а тятино рódство уехали в Россию.

В Илинском округе старообрядцев было много. Климат мягкий, природа красива, земля плодородна, и войны не видали. Все жалели и говорили: «Где были раньше? Снег гребли, да и посевы делали на косогорах, а здесь какая благодать: паши да и сей сколь хошь».

Старообрядцы в 1950-х годах засобирались в южные страны. Говорили, что там калачи висят на кустах, не надо сеять хлеб, а жизнь как в сказках, всё доступно. Через ООН заполнили анкеты на переселение, но ето длилось долго. За ето начиншики-главари сяли в тюрьму, за то что агитировают переселиться в демократические страны. Через долгое время ввязывается в ето дело Международный Красный Крест и стал решать судьбу старообрядцев. И вот по разрешению Красного Креста старообрядцы поехали в Гонконг. Но всё ето было медленно, всё рассматривалось: каки семьи, сколь детей, бездетны, старики, рассматривали болезни, и каки страны принимают. Но стран оказалось мало принимающих, ето были Австралия, Нова Зеландия, Бразилия, Аргентина, Парагвай, Чили.

Тятя всё тянул, обижался на маму, за то что не поехала в Россию. А люди всё ехали. В 1960 году решил заполнить анкеты и указал, что родитель находится в Нью-Йорке, США. Все ждали годами, а тятя через два месяца получил разрешение, потому что родитель в США.

В 1961 году выезжаем в Гонконг. Дорогой рождается сестра Степанида, мне было уже два года. Приезжаем в Гонконг. Матушки мои, сколь старообрядцев! Все гостиницы забиты. Тут наши родители узнали, что многи из старообрядцев приехали из Маньчжурии, город Харбин. Вот здесь и родилось прозвище «синзянсы» и «харбинсы».

Забыл описать. В 1958 году в Синьзяне у старообрядцев забрали всё имущество и погнали в колхоз, но Красный Крест отстоял.

⁵ На дикую козу.

4

Переселение с Приморья в Маньчжурию. Это было с Бикину: Кокшаровка, Каменка⁶ и так далее.

Тимофей Иванович Ревтов занимался посевами и охотой, жил богато, очень религиозной, порядочный и требовательной. У него было три сына: Анисим, Федос, Карп – и две дочери: Евдокея и Степанида. Речь идёт о Федосе Тимофеевиче.

Федос родился в 1905 году. Рос порядочным парнишкой, смышлёным, находчивым, весёлым – где Федоска, там всегда весело. Однажды бабушки остановили Федоску и спрашивают у него:

– Федоска, скажи, как спастись?

Федоска быстренько отвечает:

– Не смотрите в окно да не судите.

Рос он красавцем стройным: черноволосой, белолицый, голубоглазый, вежливый, ласковый, девки за нём ухаживали и любили. Когда вырос, стал хорошим охотником и добрым хозяином, а женился он на Главдее Степановной – некрасивой, большеносой, больной. Почему так получилось, неизвестно. И она шшиталась недостойна Федоса Тимофеевича, но за это старалась во всём угодить ему, ходила за нём как за ребёнком, за это он её сполюбил и дорожил всю жизнь. Но Господь не дал им детей, потому что она была больна.

Федос и женатым был ко всем вежливым и добрым, был речист и шутником. Как-то раз женчины стряпали на свадьбу пельмени, заходит Федос, говорит женчинам:

– Пятьсот пельменяв я один съем.

Женчины в спор, сделали залог, наварили пельменяв, поставили на стол. Федос помолился, сял за стол, благословился, ознаменовался крестным знаменем, съел один пельмень, вылез из-за стола, помолился, поблагодарил хозяев с хлебом-солью и сказал:

– Да, вы наварили пятьсот пельменяв, но я говорил: я один съем. Так что пришлось остаться голодным.

Все в смех:

– Но Федоска!

После революции советски стали и в Приморье законы утверждать, раскулачивать, в тюрьмы садить. Старообрядцы стали уходить дальше в леса, а кто за границу, в Китай. С советской властью валюту сменили, и у многих деньги пропали. У Тимофея Ивановича Ревтова денег было сэлый мешок, он их принёс, высыпал и сказал: «Копил, копил и сатану купил». Он был очень скупой, и всё добро здря пропало.

Вот оне пошли дальше в лес, а советская власть за ними. В 1931 году оне решили уйти в Китай, а надежда вся была на Федоса Тимофеевича, так как Федос Тимофеевич был опытной охотник, все леса знал и границу знал. Бежали своими кланами, избегали предательства. Вот зимой 1931 года Федос Тимофеевич собрал своё рódство – двадцать четыре семьи, двадцать четыре подводы, – и ушли в Китай через реку Иман.

В Китае прятались от фунфузов⁷. Это были банды китайски, оне грабили и казнили, немало заказнили и старообрядцев. Перву деревню Федос Тимофеевич основал, назвали её Красный Яр. Но прожили там всего один год и переехали на Удан, там прожили три года. Везде встречались свои старообрядцы, земляки с России.

⁶ Бикин – река в Приморском и Хабаровском краях, правый приток реки Усури. Кокшаровка, Каменка – села в современном Чугуевском районе Приморского края.

⁷ От хунхузов.

С России клан Килиных, с Урала пермяки. Александр Килин был богатый, религиозной, милостив, добрый, всем помогал, его в окружности все любили. Когда советские пришли, Килиных арестовали и на допрос. Стали спрашивать у местного населения про Килиных, и все в один голос сказали: «Ето очень добрые люди, мы от них видели только добро». Тогда советские им сказали: «Идите хоть куда, не оставайтесь здесь, а то будет плохо». И оне своим кланом поехали в Приморье и там видят, что старообрядцы уходят в Китай.

У Александра Килина было три сына: Яков, Савелий и Александр – и брат Яков, проживали оне в Приморье в разных деревнях. И решили послать в разведку в Китай Якова-брата, но он не вернулся. Килины затужили и послали сына Савелия, проводили до реки Уссури и отправили на лодке. Он долго плыл и всё смотрел, как мать махала платком, сердце чувствовало, что больше не увидятся. Так и получилось: их арестовали.

А Савелий попал на китайску сторону, давай разыскивать дядю Якова. Как-то удалось, нашёл ту деревню. Ето была деревня Удан, где жили Ревтовы. Как-то угадал к Тимофею Ивановичу Ревтову в ограду, давай стучаться, выбежала девка, прихрамывает: она напорола ногу на покосе, поетому была дома. Ето была Степанида Тимофеевна, младшая сестра Федоса Тимофеевича. Она вбежала домой и говорит:

– Мама, какой-то дядюшка стучается незнакомый.

Мать вышла и спрашивает:

– Вы хто, кого ищите?

Он отвечает:

– Я Савелий Александрович Килин, ишшу дядю Якова Килина.

Ему отвечают:

– Он долго хворал и как месяц помер. – У Савелия слёзы градом: остался один, без рódных. Ему говорят: – Заходи, поди голодный.

Все мужики на пашне. Он зашёл, но какой-то вид у него был жалкий и угрюмый. Вечером вернулись мужики с пашни, узнали, что у них гость, стали расспрашивать, погоревали и пригласили его жить вместе.

Парень угодил на все руки, непосидиха, бойкóй. Федос сразу его сполюбил и давай ходить с нём на охоту, вскоре оне сдружились и были неразлучимы. Савелий Александрович за мало время завёл коня, корову и всё, что надо для дому, был хороший поскребок⁸. Но втайне любил Степаниду Тимофеевну, и она поглядывала на него с любовью. Савелий решил посватать её, она не отказала, согласилась, тогда он решил идти к родителям сватать невесту. Родители не отказали, а сказали:

– Ежливы вы обои согласны, нам толька остаётся пожелать вам добра.

Оне его сполюбили и выдали за него дочь Степаниду. Федос Тимофеевич был очень рад, что любиму сестру выдали за друга. Федос Тимофеевич из братьяв и сестёр любил брата Карпа и сестру Степаниду, а брата Анисима и сестру Евдокею не любил, потому что они были суровы и конфликтивны, оне были в отца Тимофея, а Федос, Карп и Степанида в мать Татьяну – дóбры и ласковы.

Через три года выехали в Медяны, там прожили пять лет, там родились дочь Липистинья в 1935 году, Василий в 1937 году, Фетинья в 1939 году. Тут оне переехали в Топигу, там прожили пять лет, там родились Фёдор в 1941 году, Арина в 1943 году, Марк в 1945 году.

При Второй мировой войне японсы захватили Маньчжурию и заставили русских старообрядцев служить японсам. Служба подготовительна называлась «васанó», а потом перешли в тиокай – в военную службу. Многи старообрядцы старались избежать службу, бежали дальше в леса.

⁸ Хороший хозяин.

Один случай, получилось так. Всех брели⁹, а один старообрядец, Иван Кузьмин, – борода была у него рúса, гúста, красива, и он сказал главнокомандующему:

– Бороду грех брить.

Главнокомандующий посмотрел на него, улыбнулся и сказал:

– Хорошо, посмотрим.

Иван догадался и бороду берёг, промывал, расчёсывал – так его и не обрили.

В 1945 году, когда советские пришли освободить Китай от японцов, Китай освободили, некоторые деревни старообрядчески прошли и мужиков забрали. Думали, что мужиков уведут, а семьи сами придут за ними, но семьи не пришли, а мужиков в России сковали и увезли в лагерь ГУЛАГ и дали им по десять лет каторги. В деревнях которых забрали мужиков: Романовка, Медяны, Селинхе, Колумбэ. А кто служил в тиокае, некоторых расстреляли. Мужиков, которых забрали в лагерь, попали из Медянов Савелий Килин, Фёдор Черемнов, Сазон Бодунов, и просидели оне до 1954 году девять лет в ГУЛАГе, но с семьями больше не встретились. Толька Килины разыскали отца в 1980 году в Хабаровском краю, в деревне Тавлинка, и увезли в 1990 году в Бразилию, и там он помер возле детей и внучат и правнучат, но жены живой не захватил. Савелий Килин остался после лагеря до самой смерти травмирован, ночами соскакивал с постели, то полз, то убегал от советских – до самой смерти советские преследовали его.

Мужики, которы уходили на охоту, все уцелели и потом прятались, покаместь советские не ушли из Китая, вот так и Федос Тимофеевич уцелел. Было много слёз. Старша сестра Евдокея потеряла мужа Фёдора Черемнова, а младша Степанида уже известно кого, у обоих малые детки, особенно у Степаниде. Федос Тимофеевич приютил их и помогал им, покаместь не вырастил всех детей, и чужим также помогал. Вот отсюда родилось ему прозвище Всемирный дядя Федос.

После того как мужиков забрали, вскоре дядя Федос перевёз всех в Сэтахэза, завёл хорошу пасеку, ухаживал за пчелами и охотничал, и етим кормил вдовух и детей и обучал всех детей.

Однажды поинтересовался пошутить над детьми, оне часто приходили к дяде Федосу полакомиться мёдом. Дядя Федос налил большую чашку¹⁰ мёду, посадил за стол, принёс свежего мягкого хлеба и давай угощать детей. Видит, дети уже наелись, а мёду ишо много. Взял нож, подошёл и говорит:

– Вот не съедите мёд – зарежу! – Дети запереглядывались да как заорут в один голос! Дядя Федос не рад, что и подшутил.

Почему старообрядцы часто кочевали, особенно сильны в вере? Потому что сохранить етот принцип: оставить потомству веру, культуру и всё са́мо наилучшая. Бежали от всех развратов. Как толька между них селились неверны, сразу собирали сходку и решали: мужики, надо уходить. Также и гулянки. Как толька начинали выпивать в деревнях, так же получалось: уходили от них.

Старообрядцы в Китае были прославлены охотниками, ловили тигрят, били зубрей во время пантов, били козуль, свиньей, медведёй, и то всё сдавали китайцам. Особенно славились тигрятники. Эта охота была опасная, так как надо было ловить тигрят в живых и сдавать невредимых. Подвергались к разным опасностям, бывали и несчастные случаи, но охотники рисковали, потому что выгода была большая: за каждого тигрёнка три-четыре семьи проживали три года обеспеченно во всём, за кажды панты три семьи проживали один год, на мясе и пушнине тоже зарабатывали хорошо. Когда старообрядцы поехали в южные страны, китайцы очень жалели и уговаривали, чтобы остались и не ездили никуда, продолжали бы

⁹ Брили.

¹⁰ Миску.

снабжать мясом и пушниной, пантами и тигрятами. Но на самом деле когда коммуна усилилась, охота запретились и имущество забрали, так что пришлось уезжать.

Консула тоже ездили по деревням и убеждали, чтобы вернулись на родину, тоже сулили горы в России. Одна группа молодожёнов собралась на родину, поверили консулу, поехали в Россию. В этой группе был друг Фёдора Савельича Килина, Иван Калугин. Ух какой заядлый советский! Никого не слушал и поехал в Россию с этой группой. Когда приехали в Россию, их обобрали и пустили: «Иди куда хошь, вы на свободе». Да, на свободе, но пожрать-то хочется. Куда ни придут проситься на работу, их не принимают. Вот оне побегали! И не знают, что делать. Им подсказали: пока не возьмёте партийный билет, вам работы не будет. Потужили да и пошли в контору, где берут партийный билет. В той конторе вычитали все законы, заставили отречься от Бога, от Пресвятой Троицы, от Богородицы и от всех святых. Вот тебе и Россия, и свобода, и мягкие горы – превратились в сталь и колючки. Иван Калугин жил три дня на вокзале, собирался умирать, но смерть не пришла, и пришлось идти в контору, и отказаться от Бога, и получить партийный билет. Тогда пожалуйста, приняли на работу, и он устроился водителем на автобусе. Ету повесть он рассказывал в 1980-х годах Василию Савельевичу Килину со слезами. И сколь раз хотел сам себя уничтожить, но не смог, а превратился в пьяницу.

Старики, которы позаботились выручить своих и обратились в ООН, за это просидели до пяти лет в плену у китайцев на каторге, но, когда вмешался Красный Крест, их отпустили. В этой группе был Иларивон Мартюшев, представитель старообрядцев, он уехал в Австралию.

Мартюшевы, Селетковы как приехали с России, не знаю. Иван Мартюшев охотник, а брат Тимофей – белый офицер, по прозвищу Тимофей Кузнецов. Советские его боялись, потому что немало он им насолил и был неуловим, но перед смертью сам известил о себе советским, уже в Китае, перед смертью. Но советски не тронули его, когда увидели умирающего: почитали за героизм. Немало чудесов он натворил.

Брат Иван Мартюшев был женат на Александре Селетковой, было у них два сына, Феоктист и Тимофей. Старший Феоктист – чудака и добрый, младший Тимофей – гордыня. И было у них четыре дочери – Агафья, Графира, Евдокея и Татьяна. В Китае жили оне в деревне Мерген, а потом переехали в Тимбаху. Отец Иван вскоре помер и оставил детей сиротами, мать Александра стала выпивать и превратилась в пьяницу, но вскоре умерла, оставила детей круглыми сиротами. Феоктист был уже женат, Агафья и Графира были замужем, оставались Тимофей, Евдокея и Татьяна. Так как оне были красивы, их сразу разобрали. Татьяна родилась в 1944 году, десятилетня она осталась круглой сиротой, была красавица, но прокудница¹¹, часто пакостила, и никакого надзору не было, ни к чему не приучёна, толька в огороде ухаживать научилась.

¹¹ Озорница.

5

С 1955 года харбинсы поехали в Гонконг, там и встретились с нашими.

У харбинсов насчёт обряду было строго. Оне купленну одёжу не носили, толька свою, у наших синьцзянсов было по-разному, хто носил, а хто нет. У синьцзянсов в Китае в деревнях были и неверующи, и разного согласия, и друг другу не мешали и жили дружно. У харбинсов наоборот – толька одно согласия часовенно, и с неверными никогда не жили; дисти-плина церковная была строгой, пение по крюкам и деменьством¹² соблюдалось строго, был большой порядок. У синьцзянсов всё было слабже, пение было по напевке, крюков не знали. У синьцзянсов чин в моленных мужчины и женчины читали и пели, у харбинсов толька мужчины читали и пели, женчинов не допускали, ради¹³ соблазнов.

Харбинсы с 1957 года уже поехали в Бразилию и Австралию, синьцзянсы первы поехали в 1961 году в Австралию, в Аргентину и в Бразилию. Харбинсов было под четыреста семей, а синьцзянсов триста с лишным семей. На первом судне в 1961 году боле сотни семей отправились в Южну Америку, в Бразилию и Чили. В пути известили, что в Чили, куда везли русских, шли землетрясеня, ето было в Девятым регионе, в Темуко. Тогда Красный Крест обратилось в государство Аргентинско, и Аргентина для пробы разрешила принять четыре семьи.

Первы переселенсы в Аргентину – ето были Можаяевы, Зенюхины, Шарыповы и мы, Зайцевы. По океяну мыплыли два месяца. В Буенос-Айресе нас устроили в никониянской церкви. Интересно, что в Буенос-Айресе очутилось очень много русских белых – военных и светских разных чинов. В Буенос-Айресе мы прожили три месяца, и нас переселили за тысяча сто километров от Буенос-Айреса в Патагонию, на Чёрную реку, под названием Синяя долина, провинция Рио-Негро.

Дали нам по два гектара земли и матерьялу на дома и кормили нас три года. Но ето было не сладко: язык незнаком, ближний город сорок километров, и то через реку, все надо перевозить на пароме, а ето всё денги, а их нету; климат, природа не по души.

Оказалось переселенсов четыре семьи и три согласия: Шарыповы – спасовсы, Зенюхины и Можаяевы – егоровски часовенного согласия, мы – александровски часовенного согласия. Шарыповы с Зенюхиными вечно что-то делили и всё ходили к нам жалобились, но тятя ни с кем не связывался, жил себе и горевал да маме доказывал¹⁴, за то что сманила ехать в ети страны, стал пить, курить да маму бить. Интересно, почему его ничего не интересовало и ничего ему было не надо?

Работали на местного помещшика, под именем Ревежя, садили картошку и помидоры, но расчёту никогда не видали, он что хотел, то и делал с нами. А чтобы выжить нам, мама ростила индюков, вывозили их в город и продавали, вот етим и жили, а выращивала она их по триста – четыреста, индюки велись очень хорошо.

В 1966 году государство разрешило принять ишо сто семей: уверились, что переселенсы не конфликтивны, не политически, а чистыя трудяги. А привезли их сто километров ниже по етой же реке, под названием Важе-Медьё, «Средняя долина», в посёлок Луис-Бельтран. Неподалеку от етого посёлка, за пять километров, устроили две деревни, от етого посёлка в разны стороны: одна деревня под названием Чакра-20, вторая Коста-Гута. Хто нас

¹² Деменьствó – демественный распев в богослужебном пении.

¹³ Из-за, *предлог*.

¹⁴ Высказывал недовольство.

устраивал: Красный Крест всё это в Толстовый фонд¹⁵ передал, и помощь была немалая. А кто распределял: это был Мариан и Юрий, фамилий не знаю, оне участвовали в Бразилии и в Аргентине, Красный Крест. На каждую семью давали по пятьдесят гектар земли, один трактор с инструментом, матерьял для домов и зарплату на каждую семью, по величеству¹⁶ детей.

Но Мариан и Юрий выдали на каждую семью по пять гектар земли, а вдовым и бездетным по два с половиной гектара земли, по одному трактору на каждую деревню, кирпичей на дома и кормили три года, а остальная всё прикарманили. Старообрядцы на всё это махнули рукой: за всё это надо молиться, и всё это чужоя.

Мы, четыре семьи, проживали на Синеи долине, и нам было нелегко. Бывало так. Мама на Пасху Христову посылала нас к Шарыповым помолиться, а сама оставалась варить и стряпать на Пасху. Мы с радостью бежим молиться, нас в дверях встречает бабушка Аксинья, жена наставника, и говорит:

– Зайчаты, уматывайте!

Приташились мы домой, мама спрашивает:

– Вы что вернулись?

– Баба Аксинья выгнала. – Мама в слёзы и посылает нас к Зенюхиным: нас там не гнали.

Антошка Яковлевич Шарыпов, внук наставника Василия Васильевича, был боле проше из семьи, он часто говорил:

– Вы не из хорошей породе, а мы из хорошей.

Мама говорила:

– Ты посмотри, что внушают детям.

Это те саменьки, которы получились красны и казнили своих, когда советские сказали им, что «вы красны, дак покажите пример, ежайте первые на родину». Нет, они улизнули и разбежались. Здесь им прозвища было «красножопики».

Как-то раз приезжает Юрий и спрашивает:

– Вы довольны? Вам, поди, ишо земли добавить?

Тятя и Можяевы отвечают:

– Нет, перевезите нас к своим, в те деревни.

Юрий отвечает:

– Хорошо, перевезём. – Потом обращается к Шарыповым и Зенюхиным и также спрашивает: – Вам земли добавить? – Оне с радостью согласились. – Им отвечает: – Землю Зайцеву и Можяеву возьмите, а их перевезём в Луис-Бельтран.

К етому оне уже породнились: Василия Васильевича младший сын Евлампий, парень уже тридцатилетний, взял Татьяну Афанасьевну Зенюхину, сестру Макара Афанасьевича. Девка порядошна и красива, религиозна, а Евлаша Васильевич – развратник, табакур, пьяница и бабник.

¹⁵ Толстовский фонд – фонд помощи русским эмигрантам, организованный в 1939 г. в США Александрой Львовной Толстой и имеющий отделения в странах Южной Америки.

¹⁶ По количеству.

6

Нас переселили в деревню Коста-Гута и дали нам по пять гектар земли и кирпичей на дом. В этой деревне было тридцать семей, это были кланы Матвеевы, Снегиревы, Усолецевы, Овчинниковы, Пятковы, Самойловы, Антиповы, Масалыгины, Скороходовы, Можяевы и Зайцевы. Проживали, слава Богу, дружно, занимались фруктой и садили помидоры на рынок и на фабрику: в Луис-Бельтране было две фабрики, производили помидорную пасту.

Мы садили каждый год по три гектара помидор и брали во кругову по семьдесят тонн с гектара, тридцать процентов шло на рынок, а остальное на фабрику. Одного трактора на деревню не хватало, приходилось работать на конях, но заработки были очень хороши, и народ стал покупать новые трактора. Брат Степан стал надоедать тятю:

– Купи трактор.

Тятя не хотел, говорил:

– Кони хороши.

Степан приставал:

– Все люди на новых тракторах, а мы чё, всех хуже, что ли? Деньги есть, купи трактор!

Тятя за это ему вложил, но Степан не отступал, и мама туда же с Евдокеей, и сосед Самойла Андреич Матвеев:

– Терентий Мануйлоч, Степашка прав: бери трактор, не прогадашь.

И вот тятя послушал соседа совет, он его любил: был очень хороший старик, порядочный, хозяйственный и религиозной. Тятя купил подержанный, но в хорошем состоянии трактор.

Росли мы, как все дети растут, но запомнилось мне две вещи. Брат Григорий, когда его брали на руки, он вился как червяк и радовался, а меня когда брали на руки, я орал, не любил, чтобы меня брали на руки, любил играть сам себе; где играю, там и засну. Все говорили: «Какой-то нелюдимый». Когда пошёл в школу, у меня всё пошло хорошо, я старался, меня учительница любила, и школьники тоже, особенно девчонки, потому что я не давал их обижать и всегда заступался за обиженных.

Так как в России было коммунизм, за это нам приходилось несладко. Нас аргентинцы не любили и называли нас коммунистами, а прозвища нам было «русо де мьерда» – русские говно.

Как-то раз весной идём в школу, нас было двенадцать ребятёшек¹⁷ и девчонок, мне было девять лет. Идём мимо¹⁸ садика, смотрим: шелковица спелая, подбежали, стали есть, кто в пакетики собирать. Смотрим, подъезжает полиция. Всех нас проводили в полицию, офицер угодил злюшшай, да как взялся нас бить резиновой колотушкой, заставлял нас падать, скакать, танцевать, петь, издевался как мог, все пакетики с шелковицей столкал нам в рот. С этого время я остался заикой. Стали рассказывать родителям, но оне знали, что ничто не выходишь. Полиция имела большой авторитет, да и русских ненавидела: коммунисты, да и всё. Бывало даже так: аргентинцы напакоют, а русским попадало. Мне досталось три раз от полиции ни за что, и у меня осталась травма, я возненавидел полицию.

Родители нас не проверяли, как мы учились, и это большая ошибка. Я дошёл до четвёртого класса, и мя больше не пустили в школу, сказали: надо работать. Евдокея одна прошла семикласску, Степан до пятого, Степанида до пятого, а Григорий три года просидел во втором классе, и в консы консов выгнали его из школе, потому что дрался, не учился и

¹⁷ Мальчишек.

¹⁸ Мимо, *предлог*.

пакостил. На самом деле ему грамота не шла никакая, и дома он старался делать всё на вред, никого не слушался и пакостил, тятя за это его избивал и нервы ему испортил, он остался навсегда травмирован – от полиции да от отца, и всегда говорил: «Никогда не покорюсь!» Бывало, тятя выгонял его из дому и он скитался: где в сене спал, где в кустах в чашше, и всегда мама его разыскивала и уговаривала. У него и с друзьями не шло, и тогда праздновал¹⁹ с нами. Тут мне доставалось от него. Почему: дома я всегда старался угодить, тятя куда бы ни послал, я всегда бегом – коня поймать запрягчи, воды поднести, в кузнице, на лодке за вёслами. Данька туда, Данька сюда – Данька везде. За это меня любили, с братьями и сёстрами я старался быть в дружбе, и с друзьями дружно, и в моленне старики любили. Читать не знал, а гласы все знал на память. Бывало, старики загуляют, приходят к нам:

– Данька, спой на вот такой глас.

Мне стыдно, тятя крикнет:

– Ну, спой! – Приходилось петь.

Тятя маму спрашивал:

– Настасья, где ты такого сыганёнка выдрала?

Мама отвечала:

– У тебя надо спросить.

Люди, которые знали наше племя, говорили:

– Этот не в Зайцевых, а в Шутовых.

Я не знал, что это обозначает. Вот за это за всё мне попадало от Григория, он злился и мстил мне, а я всегда думал: «Женюсь, не буду так делать, как тятя, а буду всех любить равно».

У нас тятя как загуляет, так всех нас разгонят, и маме попадало. Мама терпела и мучилась, но дошло до того, мама решила разойтись, почувствовала, что дети подросли и уже работают, предъявила:

– Давай разойдёмся. Живёшь не по закону, пьянствуешь, дерёшься, мне всё это надоело.

«Да, – он задумался, – да, она права», и сказал:

– Я буду жить по закону, ежлив будешь мне во всем угрожать.

– Да, – она сказала, – я буду во всем угрожать, только иди в моленну и просись в собор и живи по закону.

Тут произошло следующее. Шарыповы с Зенюхиными не ужились вместе, дошло у них до винтовок. Евлаша Васильевич не жил с Татьяной Афанасьевной, а шлялся, и у них получилась вражда. Тогда Макар Афанасьевич Зенюхин приехал к тятю с просьбой и стал просить тятю, чтобы купить земли около деревни. Тятя ему помог, и оне переехали суда, а Шарыповы оне не захотели жить и тоже приехали и купили земли недалёко от деревни.

Тятя обратился в ту деревню и стал проситься в егоровский собор. Ему ответили:

– У нас наставника нету, мы собираемся и молимся без наставника.

Тогда тятя обратился к Шарыповым и стал проситься. Ему ответили:

– Ты жил не по закону. Поживи, приходи молиться, а мы посмотрим, как ты будешь держаться.

Тятя долго ходил и всё просился, но дед Василий Васильевич всё отлагал.

Вскоре мамин брат по матери Степан Демидович Шарыпов давай праздновать с Марьей Васильевной Шарыповой. Тогда Василий Васильевич стал тятю говорить:

– Скажите Степану, чтобы с Марьей не праздновал, а то принимать не буду.

Тятя ему говорит:

¹⁹ Проводил свободное время в воскресенье и праздники, гулял.

– Где же он нас послушат!

– А вот как хотите.

Мама стала брату говорить, он захохотал. Вскоре оне убежали в Буенос-Айрес и нажили там дитя, тогда вернулись и пошли к родителям её, давай кланяться и прощаться²⁰. Бабушка Аксинья вышла и сказала своей дочери: «Ты не кланься, пускай он кланется: он виноват». Но он поклонился и прошался, их простили и приняли. Толька тогда нас приняли, и бабу Евдокею Савельевну, и Ефима Савельевича Шутова. Вот какая справедливость.

Тятя всегда ходил молиться, дед Василий Васильевич всегда хорошо убеждал и читал хороши поучение, тятя изменился и стал крепким христианином.

Дед Василий Васильевич Шарыпов на самом деле был добрый и кроткий наставник, вся проблема заключалась в бабушке Аксинье, девичья фамилия Огнёва: жестока и злая. У них было три сына: Яков, Давыд, Евлампий – и две дочери: Марья и Лукерья. Все три сына угодили в бабушку, а дочери угодили в деда – кроткия. У Якова Васильевича и Марфе (фамилия девичья Ракова, тоже лукава, хитрая и ехидная) было у них четыре сына, шесть дочерей: Прасковья, Гаврил, Антон, Андрей, Анна, Ульяна, Ольга, Анисья, Ирина и Евгений.

Мы работали дружно, кроме Григория: он не хотел работать. Тятя никогда не нанимал рабочих, надеялся всегда на нас, но мы старались. Евдокея была тихая²¹ на поворотах, но старательна, Степан слабый, часто похварывал, а мы со Степанидой крутые²², всегда вперёд наперебой.

К русской грамоте и славянской духовной мы мало учились. Евдокея и Степан учились у деда Тимофея Корниловича, а мы у маминой сестре по матери – моя крёстная мать, у неё учились. Я по-русски научился кое-как писать и читать, а по-славянски прошёл толька азбучку. Крёстна мало нас поучила, но и то слава Богу.

Наши старообрядцы набрали тракторов, инструменту. Земли стало не хватать, пошли по арендам, брали группами землю неровнену, ровняли и сеяли помидоры, заработки были хороши. Но тятя не захватывал, на ето не смотрел.

В ето время некоторые наши поехали в США на свой счёт. Иван Иванович Овчинников с сыном Германом продали тятю землю два с половиной гектара, и мы продолжались садить на своей земле.

Слухи прошли, что в США хороши порядки, хороши заработки и власти порядошны, – засобирались в США. А тут в Чили настала коммуна, и в Аргентине стал президент Хуан Доминго Перон в 1973 году. Наши все напугались, и разом все в США. Тятя уже списывался с дедом Мануйлом, он его приглашал, но тятя всё тянул, мама всё молилась Богу и просила: «Ежлив к лучшему, то открой дорогу, а нет – закрой дорогу нам и нашему родству».

Детство я провёл очень весело, ето са́мо незабываемое в жизни. Друзья мои были Усольцев Василий, Терентий, Венедикт, Сне́гирев Тимофей, Матвеевы Агафон, Фатей, Евтропий, Зенюхины Александр и Михаил. Праздновали очень весело и дружно. Зимой играли в шарóвки, в чижик, в лапту, бить-бежать, из круга мячом, в прятки, ходили рыба-чить, весной ходили купаться, на реке ловили утят, гусят, пташат²³ и всё это рóстили, летом ходили по фрукты, купались. Степан с Евдокеей тоже праздновали очень весело. В ихней

²⁰ Просить прощения.

²¹ Медленная.

²² Быстрые.

²³ Птенцов.

ровне²⁴ было очень много ребят и девок, играли оне тоже в те игры, что мы играли, и окрóме того в круга́ – в хороводы, пели песни, плавали на лодках, ходили в кинах.

Евдокея праздновала с Антоном Самойловичем Матвеевым, оне очень друг друга любили, в 1973 году хотели после Пасхе свадьбу сыграть, но Великим постом Антон попал в аварию и его убила машина. После то́го Евдокею сватали много женихов, но она не пошла больше ни за кого.

Степан праздновал с Палагеей Ивановной Сне́гиревой, у их любовь кака́-то была необычна. Как чичас помню: работам на пашне, и Степан часто стоит задумается, или улыбается, или грустит. Евдокея всё смеялась и говорила: «Что, Стёпонька, грустишь?» Степан очухается и смеётся – у их всегда были каки́-то тайные советы.

Но судьба распоряжается по-своему.

В 1974 году приезжает с Бразилии Мефодий Лавренович Ры́жков – красавец миллионер, и именно стал сватать Палагею Ивановну. У Палагеи отца не было, он погиб в Китае, мать Марья Самойловна стала советоваться со своими: у их како́-то ро́дство побочно было с Мефодиям, и вот тебе. Самойла Андреич всегда говорил Степану:

– Степашка, руби тополинку²⁵!

А Степан всё отвечал:

– Ишо молодой.

И вот оне решили отдать за Мефодия. Степан ходил сам не свой, плакал, нервничал, злился, и Палагея дала ему знать, что она готова была бежать из-под венца за него. Он был несмелый и проспал свою судьбу. После того мы Степана такого весёлого не видали никогда.

У Степана с друзьями отношение всегда было очень хороше, и с девчонками тоже. У Антона Яковлевича Шарыпова как-то с друзьями не ладилось, и он всё ластился к Степану, поэтому оне всегда были вместе. Но вскоре коварная судьба распорядилась по-своему.

²⁴ Рóвня – зд. группа подростков одного возраста.

²⁵ Свагай Палагею. Игра слов: *Полинка-тополинка*.

7

Все уехали в США, в штат Орегон, в Аргентине осталось всего девять семей, порядочных всего три семьи, включая тятю. Но праздновать уже было не с кем: кто остался – это были дети пьяницев, и уже пили и любили спойть. Нас одолила тоска, не с кем было праздновать. Говорили тятю:

– Тятя, поехали в Америку! – Тятя не хотел.

Суседи говорили:

– Терентий Мануйлоч, не сиди: дети большие, с кем будешь определять детей? Не поедешь – детей потеряшь.

Тятя всё отнековал, мы настаивали:

– Но тогда скупай землю у людей, кто уезжает, деньги есть, бери машинерию, будем работать.

И на это не соглашался. Он какой-то был странный, никогда с детьми не любил советоваться, нам это не нравилось. Потом как-то нехотя согласился поехать в Америку, стали оформлять документы медленно. Это было в 1974 году, в 1975 году у США появился какой-то конфликт с Китаем, США закрыла всем китайцам визы, а мы родились в Китае, хоть и не китайцы. В этих странах так: в какой стране родился, такой и национальности. У кого были родители русски, те получили визы, а остальные так и остались до 1979 года.

Пришлось нам праздновать с Вавиловым Ванькяй и Колькяй и с Коноваловым Тришкой. Девчонки были Вавилова Дунья, Коновалова Лушка, Шутовы Фрося, Панка и Гливка, и мы: Евдокея, Степан, я и Степанида. Но это уже не празднование, а пьянки да гулянки. Как только соберёмся, стараются спойть, даже бывало, что и схватывало²⁶, но понимание было такая, да запредставлялся²⁷.

Нам это не нравилось, и мы просили тятю: «Хотя бы увёз нас в Уругвай!» Знали, что в Уругвае живут харбинсы, но живут порядочно и сильно в религии. Но тятя не соглашался, мы стали обижаться и на вред стали ему делать. Тут пошли тансы-мансы, научились со Степаном пить, курить, первых женчинов познали, это были Лушка, а потом Гливка, а потом и аргентинки пошли в ход. Тятя с мамой это всё узнали, давай нас гонять, но мы отвечали:

– Кто вам виноват, везите нас в добрый народ.

Тятя не хотел, но мама как-то уговорила тятю, и отпустили Евдокею и Степана, и сам тятя поехал в Уругвай. Вернулись с хорошими новостями: земли там недорогие, и мы бы сумели купить сто гектар земли и необходимую технику. Харбинсы правды очутились воздоржны, религиозны, дисциплина в моленне строга и большой порядок, крюковая пение, молодёжь вся грамотна. Это всё нашим понравилось, но удивились, что с базару берут²⁸ мясо и конфетки. Фёдор Иванович Берестов стал заигрывать с Евдокеяй, а Степан – с Парасковьяй Ивановной Берестовой. Евдокея стала приспрашивать, почему берут с базару мясо и конфеты, это донеслось до наставника Ивана Даниловича Берестова, и сразу молва пошла против Евдокеи, а Парасковью стали навеливать²⁹ Степану. И Степан договорился с Парасковьяй сыграть свадьбу через год.

²⁶ Тошнило, рвало.

²⁷ Стал воображать из себя.

²⁸ Покупают в магазине.

²⁹ Настойчиво предлагать, навязывать.

Но одно им не понравилось. Как-то наших харбинсы шшитали за поганых, считали за третья посёльских в Бразилии³⁰. Когда разобрались – это обозначает спасовцы, и Шарыповы спасовцы, а мы были в Шарыповым соборе.

Когда наши вернулись с Уругваю, и стали рассуждать, что делать. Климат, земли в Уругвае нашим понравились, и недорого. Но как жить с харбинсами, ежлив ишо не жили вместе, а уже критики? А что будет, ежлив придётся жить вместе? Да ишо Парасковья промолвила: когда она выйдет взамуж за Степана, она переучит его по-своему. Значит, пташку не поймала, а уже оттеребила. Степану стали отговаривать, чтобы подождал. Это было в 1975 году.

Когда старообрядцы уехали в США, слухи прошли, что у их пошло очень хорошо, хорóши заработки, всё дешёво, и оне стали быстро богатеть. Стали заказывать занавески для икон, картины, подушки, покрывала, рубашки-косоворотки – всё вышито, и платили хорошо. За каждую занавеску двести пятьдесят долларов, картины по-разному, подушки с покрывалом пятьсот долларов, рубахи двадцать пять долларов, пояски двадцать пять долларов. В Южной Америке многи стали заниматься вышивками и посылать своим родственникам, а те продавали своим и выручали своих в Южной Америке. Как-то раз маме говорю:

– Мама, научи меня ткать пояски, а может, сгодится.

Мама отвечает:

– Куда тебе, ты парнишко, ничего с тебя не будет, всё бросишь.

Но я настаивал на своём:

– Научи, мама, посмотришь, что не брошу, сама же видела: утят, гусят рóстил, цветки сажил и выхаживал, и это сумею вынести.

Мама решила научить. Стала показывать, как снуют поясок.

– Мама, всё я понял.

Стала показывать, как ткут.

– Всё понял. – Дошёл до рисунка: – Мама, как? – Мама показала.

Но всё, правды, первый пояс получился не очень ровный, второй лучше, а третьяй пошёл в США. Наткал двадцать поясков, и послали к знакомым, так как своёго прямого рóдства не было в США. Эта продажа шла очень долго, но в консы конса́х деньги получили и набрали матерьи на рубахи.

Григорий совсем вышел из рук, стал уходить из дому, стал знаться с аргентинсами самого нижняго уровня, стал пакостить, воровать и жить развратно, мама переживала и плакала, а тятя гнал из дому. Мама решила попросить своего брата Степана Шарыпова, чтобы он взял себе Григория. Так как у его дети были ишо маленьки, а ему нужны были рабочи, он Григория взял себе на работу.

Тимофей Корнилович Пятков, когда взял бабу Евдокею, жили оне очень дружно, Бог дал им сына, но он помер маленьким. Покаместь сводные дети были маленьки, всё было хорошо, но, когда дети выросли, пошло коса на камень. Бабины дети Степан и Марья оказались злые и жестоки, в отса Демида, а у Тимофея Корниловича дети нормальны, окрómя моего крёстного Иремея Тимофеевича, он тоже был не гладкий. И вот дети их развели, но они прожили в дружбе до самой смерти. Когда баба осталась одна, ей досталось от етих семечек. Степан, бывало, даже наставлял наган бабе в голову ради денег, Марья, бывало, таскала бабу за волосы. Баба со слезами рассказывала маме, что с ней творят дети, и стала болеть сердыцем.

³⁰ Считали людьми «третьего сорта» старообрядцев-«синьцзянцев» из поселков в Бразилии.

Марья Демидовна – тётка, это моя крёстная. Когда ребёнка крестят, крёстный и крёстная обещаются: какого приняли, такого и представить престолу Божию. Но я от её ничего доброго не видел, окро́ме что научила читать и писать по-русски, а худого да больше – дальше увидим. А о крёстным Иремее ничего не могу сказать худого, а толька хороше: всегда посоветовает чего-нибудь хорошего и приласкает.

Григорий, когда вернулся через год от Степана Шарыпова, стал ишо хуже. Степан не толька его уговаривал, но, наоборот, разжигал против тяти, а за весь год, что он проработал, получил толька одну куртку, и всё.

Жизнь продолжалась. Григорий по-прежнему пакостил, тятя был скуп, даже в кино денег не давал, хоть сколь работай, но копейки не видели.

Как-то раз Григорий сманил курицу украсть, чтобы пойти в кино. Я долго колебался, но со страхом согласился. Украли две курицы у суседа и продали: у его клиенты уже были. Мы сходили в кино – как хорошо всё обошлось, благополучно.

На следующа воскресенье Григорий уже приготовил, где украсть индюка. Это было подальше, у аргентинсов. Он выследил, когда их не бывало дома. Мы в воскресенье украли этого индюка и унесли в город, продали и пошли в кино. Когда мы шли в город, хозяин этого индюка нас видел, но что мы несли, он не знал. Приехал домой, и, когда он хватился, что племенного индюка не хватает, он догадался, что мы похитили его, и поехал заявил в полицию. Когда мы вышли из кина, нас поджидала полиция, да так нам дала! Григорий не рассказывал, и мне наказывал, чтобы не рассказывать, но я рассказал всё, нас отпустили. Когда мы пришли домой, тятя всё уже знал: полиция всё рассказала тятю. Тятя взял ремень да так нас устиро́хал, что я до сего дня его благодарю. И с тех пор с Григориям больше никогда и нигде не участвовал и всегда старался его избегать, а когда мне надо было денег, всегда сверх своей работы прирабатывал на стороне и на это праздновал.

Григорий часто сулился убить тятю, мы всегда отвечали ему: дурак. Как-то раз он провинился, тятя его избил. Мы стояли дрова кололи, тятя шёл мимо, он взял топор и пустил его в тятю, топор пролетел каки-то шшитанны сантиметры от головы тяти. Мы напугались, все вместе связали его и увезли в полицию и всё рассказали, что получилось. Его забрали, увезли в столичной город³¹, врачи-психиатры признали: испорченная нервная система, оставили в психическим отделении и лечили. Через три месяца отпустили на побывку домой, Григорий вернулся спокойной, весёлой – мы все обрадовались. Толька надо было продолжать лечить, но родители не позаботились, а Григорий стал с друзьями выпивать – и снова вернулся на ту же точку.

Я со своими друзьями продолжал баловать. Уже кины не стали интересоваться, а интересно было потанцевать. В каждую субботу на тансы, а там девчонки.

³¹ В местный административный центр.

8

В 1976 году мы кое-как выпросились поехать в Уругвай. Тятя пустил, дал на всех денег Евдокею, и мы втроём: Степан, Евдокея и я – отправились в Уругвай. Степанида плакала просилась, но тятя её не отпустил. С нами поехал Ванька Вавилов.

Приезжаем на границу – нас не пускают: мы несовершеннолетни, пропускают одну Евдокею. Мы потужили, лодка отходит – мостов ишо не было, – Евдокею проводили, а потом хватились: деньги-то все у Евдокеи, что делать? Как ни говори, до дому добираться тысяча четыреста километров. Дело было летом, жарко. Первую ночь ночевали в каком-то саду, комаров ужась сколь было, промучились. Утром решили выйти на дорогу, разделились: мы со Степаном, а Ванька один. Нас подняла грузовая машина, водитель угодил добрый, довёз нас до Буенос-Айреса, всю дорогу кормил и напоследок дал нам на автобус доехать в центр Буенос-Айреса. Мы добрались до Чеботарёвых – это Вавилов зять, а Ванька уже там, подработали неделю и поехали домой.

Степан выпросил у тяти разрешение через судью и вернулся в Уругвай. Меня не отпустили: много работы. Помидоры уродили хорошо, днём собирали, а ночью грузили, и я ехал на фабрику ставить на очередь, чтобы сдать помидоры, это повторялось через день. Я старался, тятя это нравилось.

Однажды пришёл с танца усталый, голодный, но знал, что надо везти помидоры на фабрику, тятя поджидал. Прошёл большой дождь, я аккуратно вывез воз на дорогу и поехал в город. В городе мало время назад копали канавы, проводили газ, эти канавы засыпали, но после такого дождя всё разжижа – мне это в голову не пришло. Вижу, что несколько тракторов спешат на фабрику, и мне тоже хочется поскорее сдать помидоры. Я ехал быстро, через канаву зарыту трактор прошёл, я почувствовал, но уже было поздно: телега первым колесом достала канаву и ушла до оси. У нас была привычка ящики не привязывать, тятя не давал, чтобы аккуратно возили груз. Но пять тонн помидор – это в семь ящиков вышины, вот как хошь, так и вези. На этот раз не повезло. Как только у телеги колесо ушло до оси, трактор стал намертво, я вылетел, но ничего, телегу качнуло в одну сторону – ящики полетели, качнуло в другую – в другую полетели, со сто семьдесят ящиков на телеге осталось шестьдесят три. Это было в 5:30 утра, уже светало, пришлось одному собирать и грузить, подъезжал дядя Степан Шарыпов, даже не помог. Я прогрузился до 14.00 п. м.³², это было очень чижало. Как-то на самый верх загрузил ящик, и спина у меня схрустела, это было очень больно, даже темнело в глазах. С горям пополам догрузил как мог, подъехал на очередь, очередь была большая, мне бы не сдать было в этот день. Я едва слез с трактора и едва дошёл до фабрики, объяснил свою ситуацию. Начальник фабрики пошёл на очередь, объяснил народу, чтобы пропустили меня без очереди. Народ с сожалением пропустил, я заехал на весы, свесили, доехал до платформы, а как сгружать – сам не знаю. Контролёр на платформе был чилёнес³³, имя Серене, очень строгий, но увидел меня – бледного, еле волочусь, и стал спрашивать:

– Что с тобой, русич? Всегда такой весёлый, а чичас еле жив.

Я ему рассказал, что случилось, и он не дал мне разгружать, говорит, сам разгрузит. Всё разгрузил, простых³⁴ ящиков загрузил и отправил, я заехал на весы свесил и отправился домой уже в 19.00 п. м.

³² Переданное русскими буквами обозначение *p. m.* (лат. *past meridiem* – после полудня), принятое в 12-часовом формате обозначения времени.

³³ Чилёнес – чилиец.

³⁴ Пустых.

Приезжаю домой, совсем ослаб и сляг в постель. И сэлый месяц пролежал в постели, но никто не позаботился свозить к врачам, а спина после то́го время стала болеть до сего дня.

Вскоре подъехали Степан с Евдокеяй, и работа стала идти своим чередом.

Тятя был скуп и деньги любил, деньги у него всегда водились. Но мы всегда ходили почти голы, он брал са́мо дешёвенькя, на Рожество да на Пасху, а там как хошь. На пищу он денег не жалел, продукту всегда было изобильно, был хороший охотник и рыбак, свиньей и рыбы, где мы проживали, было вдоволь. Я с малых лет привык к рыбалке и любил рыбачить.

Мама нас выручала во всех беда́х, и мы её любили и тятю всегда уговаривали, где что не так. Но одно мне не нравилось: всегда нас делила, «этот в тебя, а этот в меня», говорила, Евдокея в Зайцевых, Степан в её, Григорий в Зайцевых, я точный в тятю, Степанида в её. Правды, я тятин портрет, но характер – дальше обо всём выясним.

Однажды тятя напился, избил маму, мама стала замерзать, мы её отогревали в русской печи. Мне было шестнадцать лет, я подошёл к тятю и с такой суровостью сказал:

– Ишо маму заденешь, будешь иметь дело со мной.

– Сопляк, дерзнул сказать таки́ слова отцу!

Тятя, правды, больше никогда маму не задевал, но со мной после тех слов уже был не такой, какой был раньше, и я всегда жалел те слова. Знал, что в Святым Писании написано: кто почитает своих родителей, тот счастливый и долголетний на земли, а хто злословит родителей, тот несчастный, и его дети отомстят в семь раз больше.

В конэ 1976 года Вавиловы, Шутовы и Коноваловы уехали в США, и мы остались без друзей. Хто остался, у всех дети маленьки, и стало совсем не с кем праздновать. В США нас не пускают, в Уругвай тятя не хочет, стали мы настаивать: тогда давайте арендуем больше земли и будем работать по-сурьёзному. Тятя не захотел. Григорий уже ушёл из дому. Я стал говорить:

– Ни уезжать к добрым людям, ни работать. А что делать? Я ухожу из дому.

Тятя отвечает:

– Уматывай!

Я собрался, уехал в город Чёеле-Чёель, за двадцать кило́метров от дому, и устроился в муниципалитете, там научился работать каменщиком и часто был у начальника на посылушках. Я старался угодить, за ето меня любили. Однажды зимой под мост упала какая-то запчасть, все собрались начальники: что делать? Я, недолго думавши, сказал начальнику:

– Хошь, я достану?

Начальник говорит:

– Да как? Вода холóдна.

Я разделся, прыг в воду, с первого разу нашёл, с второго разу достал. Ето было утром, восемь минус, начальник покачал головой и говорит:

– Увезите его домой, пускай отдыхает.

После того где каки опасности, всегда меня вызывали. Проработал я семь месяцев в муниципалитете, приезжают ко мне сестра Евдокея и брат Степан и стали уговаривать, чтобы я вернулся домой, говорят, что нашли земли десять гектар и тятя даёт трактор. Я с радостью вернулся.

И стали садить помидоры, помидоры уродили хорóши, мы заработали хорошо, за аренду заплатили, тятю за трактор тоже заплатили деньги, на год продукту набрали, первый раз удалось мне набрать одёжи какой надо было.

В 1974 году президент Хуан Доминго Перон умирает, осталась жена Исабель Естела Мартинес де Перон, министр економии Лопес Рега. В стране пошли неприятки, Лопес Рега обворавывает страну и убегает без вести. Наступает президент военный, Хорхе Рафаель Видела, и во всёй Южной Америке настала эра военных и стали преследовать всех, хто понимал жизнь по-сосиялистически. Мы когда ходили на танцы, бывало, забегут полиция

на танцы, всю молодёжь несовершеннолетню угонют в полицию и издевались как хотели. Кто возражал, тот терялся³⁵. Мне тоже пришлось побывать два разá, но я терпел, знал, что русский, а это обозначает коммунист, дважды два можно башку потерять.

А танцы неохота было оставлять, так как был хорошей танцор. Один раз вышел по соревнованию вторым, это было танго, вальс, пáсо дóбле, ранчéра, чамамé, кúмбья. Мама переживала и заставляла дать клятву перед иконами, чтобы никак не взял аргентинку, – мне приходилось давать клятву. Но я не боялся, знал, что едва ли найдётся девушка, которая бы думала о сурьёзной жизни. Аргентинские девушки весёлые и ласковы, но у их мысли – думают только о сёдняшним, о завтрашним дне никто не думают, и это мне не подходило. Моя мечта – в жизни должен быть проект, как жить, чем заниматься и какой принцип, и жена тоже должна свою долю вложить в жизнь, а не то что муж по дрова, а жена осталася вдова.

Когда садили помидоры последний год, праздновали мы все вместе: Евдокея, Степан, я и Степанида. Ходили на танцы, и там Степанида стала праздновать с одним чиленсом, с Хосе Луис Гажего. Мы ей наказывали: будь аккуратне, оне здесь липки, но она не слушала, ей было шестнадцать лет, и она убежала за него.

Открою мою тайну. Да, я любил повеселиться, курил, брился, пил и девушак не оставлял, но сердце у меня ныло, и я всегда слезами уливался и Бога просил: «Господи, за моё беззаконие дай мне болезни перенести и напасти перенести, но спаси мя». Это прошение было часто, я знал, что каждый человек должен перенести напасти – етим человек искушается и очищается.

³⁵ Исчезал бесследно.

9

В 1978 году подхожу к тятю с такой речью:

– Тятя, надумал я жениться, надоела мне вся эта развратна жизнь.

Тятя с мамой напугались:

– Ты что, как, с кем, где?

– Пустите меня в Уругвай, хочу поискать себе невесту.

Они обрадовались, благословили меня на доброе дело. Это было зимой, в июле. Отправили нас с Евдокеей, ей всё уже знакомо, и у нас с ней всё всегда шло как по маслу.

Приехали в Уругвай, заехали к дальнему родственнику по Шутовым, Ивону Максимовичу Ефимову. На другой вечер пошли на вечерки, к Ивану Даниловичу Берестову. Конечно, за время девчонки пригласили. Приходим на вечерки. Ой как чудно³⁶! Полна изба девчонок, парней мало – ну, думаю, повезло же мне! Девчонки занимались вышивкой, моёй ровни было двенадцать, и поменьше было тоже двенадцать, парней моёй ровни было четыре, и поменьше было семь. Етим же вечером пришлось познакомиться с парнями, это были Фёдор Иванович Берестов и брат его Василий Иванович, Марк Иванович Чупров и Алексей, брат, Иванович. Этот вечер пообчались, и меня насторожило: всех просмеивают, всех копают, мне как-то было неловко. Зачем так поступают? Девчонки песни пели и частушки пели. Это всё было чудно, мне надпоминалось, когда в Аргентине проживали до США.

Днями помогал Ивону Максимовичу заготавливать дрова, и удавалось знакомиться с деревней. Это была маленькая деревушка, десятисемейна, но многодетна и бедна, именем Офир. Занимались оне – доили коров, разводили пасеки, садили сахарную свёклу, садили огороды, нанимались на стороне, прорубали, пололи, копали свёклу, вечерами ткали и вышивали – это всё посылали в США на продажу.

Я в свободное время ходил знакомился с деревней и всё и ко всему приспиривался. У меня с малых лет был интерес к пожилым и старым людям, как-то чувствовалось: уверенность, и доверие, и опыт жизни, что в молодёжи нет. Это в деревне людям понравилось: такой молодой, всем интересуется, со всеми ласковый, вежливый и обходительный. Ну что сделаешь: такого Господь создал, таким и быть.

Пришла суббота. После русской бани пошли в моленну. Началась служба. Вот тут мне пришлось дрогнуть: как всё чинно, и порядошно, пение всё по крюкам, плавно, чтение грамотно, дети восьмилетни – и уже читают. Вот тут я задумался: «А я что – чурка с глазами, мне никогда, думаю, не научиться, грешному».

В воскресенье отмолились, нас пригласили обедать – наставник Иван Данилович Берестов. Мы пришли; стол был накрыт, помолились «Отче наш», сяди за стол, благословились, стали кушать чинно, безмолвно. На столе было всё изобильно: пироги рыбны, шанюжки, пирожки, соусы, суп, лапша, окрошка, рис с подливом³⁷ и, конечно, три чарки бражки. Накупались, помолились «Достойно есть», «За здравия», поблагодарили и пошли праздновать. Парни пригласили зайцев охотничать – мне не по сердцу: надо к девчонкам, а тут бегать с собаками за зайцами. Виду не показал и пошёл за ними, бродили день, мне было невесело, но что сделаешь?

В будни днями Ивону помогал, а вечерами на вечерки ходил, етими вечерами боле признакомился к девчонкам и стал с ними заигрывать, со всеми равно, старался никого не обидеть и со всеми вежливым быть.

³⁶ Необычно, удивительно.

³⁷ С жарким из мяса.

На неделе случился праздник. По обычаю помолились, на этот раз пригласили Марк и Алексей Чупровы обедать. Пообедали, и наши парни засобирались на кабана, на охоту, я молчу: что будет дальше. Собрались, пошли на охоту – со всех сторон подсмешки, подковырки: ха-ха-хи да ха-ха-ха, я не выдержал и сказал:

– Я не приехал сюда по лесу лазить, я приехал с девчонками играть. – И ушёл от них. Конечно, мне было легко уйти от их: с девчонками находится сестра.

Пришёл к девчонкам, оне играли в хороводы. Было малёнька неловко с моёй стороны, и так же с ихной, оне хотели прекратить, но я их уговорил, и стали играть. Это было так весело, и проиграли сэлый день – в хороводы, вдовца, из круга мячом, песни пели – это был полный фольклор. К вечеру явились наши парни, с надсмешками и подковырками, но ништо на них внимание не брал. А нам было так весело, такая не забывается никогда. Я провёл себя со всеми вежливо и аккуратно, девчонкам это понравилось, слухи прошли. Так то чё и не праздновать: со всеми вежливый, ласковый, обходительной, не то что наши эгоисты, всё им не так.

Выяснилось, что наши парни старались увести меня подальше от девок, потому что ревновали одну девку, именем Графира Филатовна Зыкова – красавица, дочь Филата Зыкова, врача-травника, терапевта. Етим парням толька Зыкова фамилия³⁸ была не рódство, поетому оне и ревновали, боялись потерять свою красавицу. Да, она была очень красавица, но была и очень гордая, а я гордых вообще не любил. Постепенно наши парни успокоились, поняли, что ихна красавица в безопасности.

Праздности продолжались весело, я к девчонкам вошёл в доверие, и оне забегали за мной, и родители заприглашали и поклоны запередавали. Мы жили у Ивона Максимовича, а жена у его Агафья Садофовна Ануфриева – двоюродна сестра Марине, жене Ивана Даниловича Берестова, – и брат Сергей Садофович, оне мне внушали: бери ту да другú, та такая, а другá такая, но боле внушали, чтобы взял у Ивана Даниловича Вассу, что³⁹ рабоча⁴⁰, хозяйственна, порядошна. «Да, – я отвечал, – та хорóша, и другá, и третья», а на уме думаю: «Сам разберусь».

За месяц празднования как-то мне пала на душу Марфа Фёдоровна Килина – красива, бóйкя, шúстра, весёла, песельница, да и слух про её хороший: сама старша, вся работа на ней стоит, да и можно сказать, она и подняла всю семью на ноги. Везде успевала: на пашне, дома, да и сама быстрая вышивальница, вышивками обгородила всю отсовскую землю – три гектара, завела коров – обчим, самые хорошие успехи в дому – это Марфа.

Первое приглашение нас как гостей пообедать – это было в праздник Успение Богородицы. Обед был прекрасный, но Марфа вела себя очень скромно и стыдилась меня, мне было очень неловко, да ишо при родителей. Родители – это те самы, которы с Китаю: Фёдор Савельевич Килин и Татьяна Ивановна Мартюшева. Поженились оне в Бразилии, штат Паранá, город Понта-Гросса, деревня Санта-Крус, приехали оне в Уругвай в 1966 году. Все поехали в США – двадцать семей поехали в Уругвай: не поехали за долларами, но поехали духовность сохранять. Даже был спор, что «вы поедете нищету ловить», но оне не слушали. Один пример был такой. Два брата, Потап и Павел Фёдоровичи Черемновы, двоюродны братьи Фёдору Савельевичу Килину, заспорили между собой. Старший брат Потап Фёдорович говорит младшему брату Павлу Фёдоровичу:

– Едете в Уругвай – это нищета, последни штанишки отдай.

Павел отвечает:

– В США – души отдай.

³⁸ Семья.

³⁹ Потому что.

⁴⁰ Работящая.

Дядя Федос Тимофеевич Ревтов в Бразилии был представителем и руководителем и в Уругвае был первым проводником. Когда мне было пять лет, Федос Тимофеевич и Гаврила Кузнецов приезжали в Аргентину, где мы проживали четыре семьи, на разведку. И чудно, дядя Федос Тимофеевич ишо с России был знаком с дедом Фёдором Можаявым, и вот пришлось встретиться через столь много лет в Аргентине. Когда дядя Федос Тимофеевич с Гаврилом Кузнецовым приезжали, я чуть-чуть их помню, а Можаявы потом ездили к нему в гости. Вот и мне пришлось встретиться с нём в Уругвае и даже породниться: как ни говори, он Фёдору Савельевичу Килину родной дядя.

После того обеда у Марфе как-то при каждой встрече с Марфой я чувствовал себя неловко, сердце билось и что-то мне не хватало, не мог дожидаться праздников, чтобы попраздновать вместе с ней, и она так же: как увидит меня, потупится и покраснеет. Но мы виду не показывали, но где ты скроешь! Все догадывались. Бывало, в праздники вечером играли во вдовца – это так стоит круг девок и ребят, один всегда лишней, он или она, бегают вокруг, кого заденет – должен догнать и поймать. И вот часто приходилось: стоишь, девчонка бежит, заденет и убегает, и вот и догоняешь. Но интересно то: девка-то бежит дальше в лес, чтобы повеселиться наедине, да и чтобы посватал, но у меня уже сердце занято. Все красивы, все хороши, но у меня одна сама дика козулька и сама стеснительна, она с ума не сходила.

Дома Ивон с Агафьей уговаривали меня, чтобы взял Вассу. Поняли, что у меня к Марфе отношение особое появилось, давай лить на Фёдора Савельевича: что он лентяй, жулик, исплотирывает⁴¹ девчонок, что Марфа хорошая девчонка, но изнадсажена, а мать Татьяна пьяница, засранка, сплетня – как будто хуже их нету. Мне приходилось отвечать: «Да-да», но на уме думал: «Мне с ними не жить, а другой невесты мне не надо». Но оне влияли боле на Евдокею, и Евдокея говорила мне:

– На самом деле, Данила, подумай, все эту семью хают, возми лучше Графиру Филатовну.

Но Евдокее я говорил прямо:

– Мне никаку другую не надо, я выбрал по душе и всё, меня больше никто не убедит, каку девку сватать.

Один Сергей Садофович всегда говорил:

– Данила, никого не слушай, девчонка хороша, бери – не ошибёшься.

Мы с нём часто бывали вместе то на рыбалку, то по дрова, то ишо куда-нибудь.

⁴¹ Эксплуатирует.

10

И вот мы с Марфой стали за ручкю ходить, веселиться, друг об друге тосковать. Наш срок в Уругвае подходил к консу, а мне было неохота вёртываться, и я решил офисияльно посватать. Ето было на вечёрках, после вечёрок я проводил Марфу домой, у ворот остановил и давай сватать. Она выслушала мою речь и ответила:

– Да, я пойду за тебя взамуж, мне окрöме тебя больше никого не надо, приходи сватай.

Я её крепко поцеловал, и она, бедняжка, чуть не упала: за всю свою молодую жизнь первый раз её поцеловали.

Пришло воскресенье, пошли праздновать, я Марфу за ручкю, отстали, давай разны речи вести, она мне говорит:

– Мне неудобно, посватал не посватал, а я уже согласилась.

– Марфа, ето само правильно, должно быть завсяко-просто. Да и у мня срок кончается, надо уезжать, а я не хочу.

Она:

– Но ладно, хорошо.

Етот день мы провели с ней, не чаяли души от радости. Вечером я попросил деда Садофа, чтобы он поговорил с Фёдором Савельевичем Килиным, что мы хотим идти сватать Марфу, дочь ихну. Он сказал:

– Дайте нам посоветоваться с дядяй Федосом Тимофеевичем на неделе, а в то воскресенье приходите.

Дядя Федос жил пять километров от деревни. Когда Фёдор Савельевич пришёл к дяде Федосу за советом, тот выслушал и сказал:

– Парень молодой, молодого всегда можно приучить к добру. Отса его я знаю: спокойный мужик, хотя и выпивает. Но у вас семеро девчонок, и, за кого будешь отдавать, постарайся, чтобы парень остался в Уругвае, и отдавай. Слухи идут, что парень старательный, а ето хороший знак.

На следующая воскресенье вечером я попросил добрых людей: Ивону Максимовича, Агафью Садофовну, деда Садофа, Сергея Садофовича, Мавру Анисимовну и Евдокею-сестру, – пошли сватать. Пришли к Килиным, постукали в двери, сотворили молитву, нам ответили «аминь», мы зашли, помолились-поздоровались. Нас посадили как дорогих гостей, дядя Садоф завёл речь о женихе и невесте, Фёдор Савельевич объяснил, что был у дяди Федоса и что он посоветовал.

– Мы не против, но вопрос такой: Данила Терентьевич, где ты собираешься жить?

Я отвечаю:

– Здесь, в Уругвае, как Господь повелит.

– Хорошо. Ты Марфу воляй берёшь?

– Да, воляй.

– Марфа, иди суда. – Тишина. – Марфа, иди суда. – Тишина. Я иду в комнату, беру Марфу за ручкю, вывожу на круг.

Отец спрашивает:

– Марфа, ты воляй идёшь?

Еле слышно:

– Воляй.

– Говори громше.

– Воляй.

– Но раз пара собирается воляй, мы против ничего не имеем.

Мать в слёзы, послали за наставником. Я сбегал к наставнику к Ивану Даниловичу, поклонился в землю, попросил:

– Ради Бога, мы высватали невесту, помоги заручиться, благослови.

Он пошёл. Когда стали начал лóжить⁴², сестра Евдокея возразила:

– Данила, зачем торопишься, перво надо бы дождать родителей, тогда и начинать братья за свадьбу. Где ты денег возьмёшь начинать свадьбу играть?

Я отвечаю:

– Евдокея, срок миграционной карты кончается, нам необходимо сыграть свадьбу до срока, я надеюсь на Бога и на добрых людей. А завтра же утром буду писать тятю письмо с просьбой, чтобы приехали и помогли свадьбу сыграть.

Добры люди поддóржали мою идею, а будущей тещей подсказал, что дядя Федос сказал, что «какую помощь надо парню, пускай приходит, я помогу». Я почувствовал силу и стал настаивать, стали решать, когда играть свадьбу, будущей тещей говорит:

– Невеста не готова, так как женихов не было, мы приданых не готовили. И она у нас, как старшая дочь, она работала как за сына и за дочь, вся работа стояла на ней, и даже ей не было время готовить для себя вышивков, а что готовила, это всё посылала в США и опять же помогала в дом.

Я возразил:

– Мне ейных приданых не надо, мне её надо.

Будущей тещей возражает:

– Но всё-таки надо готовить.

И решили за месяц приготовить. Значит, четыре недели девишник, и тогда свадьба.

У нас девишник обозначает: все девчонки помогают невесте вышивать, кроить, шить, ткать, плести. Что готовят: постель, подушки, одеялы, покрывалы, иконные занавески, полотенсы, картины, половики, сарафаны, рубахи, пояски и так далее. Невеста, как только заручится, выбирает себе подружку, и проживают до самой свадьбы неразлучно, и невеста без жениха уже не празднует.

Начал положили, нас благословили, заручили, обменялись подарками: я ей подарил колечко, а она мне поясок. Нам наказали: теперь вы жених и невеста, после заручения с другими девчонками не играть, также невесте с другими парнями не играть, и до свадьбы жить чисто и непорочно, Богу молиться и правила нести. Чтобы всё прошло благополучно, выпили по три чарки бражки, я поклонился всем до земли, поблагодарил, и разошлись все по домам.

Приходим домой, Евдокея говорит:

– Что ты настроил, Данила! Тятя не приедет, так как ты жил незаконно, тятя сказал: «Как хочет, пускай женится, я ему помогать не буду».

Я не знал, и это меня обожгло.

– Но Евдокея, сама же слыхала: добры люди во всём помогут. Ну что, придётся отработывать. Евдокея, посмотришь, что тятя приедет.

Она отвечает:

– Я не думаю, сам знаешь, какой строгий он у нас.

Я ничего не ответил, и утром рано сяду писать письмо. Я знал, что тятя не так уж и строгий, как уж кажется. Когда я рос, он меня любил боле всех, потому что угождал даже в минимумах деталях, и сердце чувствовало: он меня не покинет в таком серьёзном намерении, он знает, что он обязан так поступить. И вот сажусь писать письмо.

Тятя, мама, здорово живёте!

⁴² Читать начальные молитвы обряда.

Пишет вам ваш многогрешный сын Данила. Простите меня, многогрешного, сами знаете: жил не по закону, обижал вас, причинил вам боль в сердце. Знаю, что не спали, переживали обо мне. Что сказать, нет никакого оправдания мне, во всем признаюсь, только я виноват. Простите меня Бога ради, недостойного, и помогите ради Бога обвенчаться с выбранной невесткой, Марфой Фёдоровной Килиной. Девушка порядочна и религиозна, я об её души не чаю.

Вчера начал положили и заручились, свадьба должна быть 2 октября старого стиля. Тятя, мама, всё зависит от вас, ради Бога не откажите, приезжайте обоим и благословите. Надеюсь, что обрадуете и приедете. Передавайте земной поклон бабе Евдокее Савельевне, знаю, что больная, и сердце предчувствует, что больше не свидимся, и сердцу больно, как мне её жалко. Тятя, мама, обещаю жить по закону и вам не приносить боли, а только радости и веселье, и желаю вам долгой жизни, увидит внучат и правнучат.

Тятя, мама, ишо раз прошу, приезжайте, не оставьте без внимания.

Простите меня, Бога ради, и благословите, многогрешного, а вас Бог простит и благословит.

Писал аз многогрешный, дорожащей вас и любящей вас Данила Зайцев.

На самом деле, когда я собрался с Аргентине ехать в Уругвай, баба Евдокея Савельевна жила у нас, она мне наказывала:

– Данила, я больная, не знаю, Господь приведёт, свидимся или нет, едешь в чужие и незнакомые люди, слухи всякие идут, но знай одно: ежлив верят во Святую Троицу, символ веры, крестят во Святую Троицу в три погружение, соблюдают четыре поста, бракосочетание, покаяние, смотри догматы церковные, – ежлив всё правильно, переходи к ним, держись и молись с ними.

Мы с ней простились, она меня благословила со слезами и сказала:

– Сынок, держись.

Это расставание для меня было очень трогательно, я бабу очень любил. Так и получилось: после нашей свадьбы, через два месяца, баба умерла, оставила только добрую память.

Евдокея меня упрекала: что поторопился; родители не приедут; будуща тёща проблематична, люди говорят, она много фокусов настроила в деревне; что я ошибаюсь в своем выборе и ишо не поздно, можно отказаться и взять другую.

– Евдокея, во-первых, родители приедут; невесту я выбрал не для того, чтобы отказываться, я её люблю; будуща тёща така-сяка – мне с ней не жить.

11

Девичник шёл как по маслу. Каждый вечер, как приходил на девичник, невеста встречала, кланялась мне в землю и целовала трижды – такой обычаем был. Я приносил девчонкам шоколадок, конфет, пряников, семечак, оне мне пели девишны песни, я им платил и невесту целовал. Было весело. В воскресенье и в праздники ходили в лес, играли в хороводы. Девичник прошёл благополучно.

На третьей неделе в пятницу получил от тяти телеграмму, сообщает: немедленно явиться в Буенос-Айрес. Я обрадовался:

– Ну что, Евдокея, хто прав?

Она смеётся:

– Но, Данилка, настойчивой же ты!

– А как ты хошь? Под лежащей камень вода не подтечёт.

В понедельник отправляюсь в Буенос-Айрес, встречаемся с тятьей у Беликовых⁴³. Какая была радость! Тятя ласковый, вежливый.

– Но, Дашка, молодец! – и заплакал. И я заплакал. – Ну, что покупать на свадьбу? Давай пойдём.

Пошли по магазинам и давай покупать что надо, всё набрали за два дня, тятя мне и невесте купил по дорогим часам, а я невесте купил бисеры⁴⁴ и сапожки.

Приезжаем в пятницу вечером, после ужина идём на девичник, невеста нас встречает по обычаю, будущему свёкру кланяется в ноги, целует. Идём знакомиться с будущими сватовьями – встреча-радость, разны вопросы-ответы, улыбки-смешки. У нас на свадьбу всё готово, у невесте тоже всё готово. В субботу в 3 часа п. м. несу невесте веник, чтобы подружки невесту попарили в баньке, девчонкам подарки, сажу девчонок за стол, угошаю и благодарю, что невесте помогли справиться с приданым.

Вечером после вечерни попросил наставника, чтобы нас свенчал завтра. Наставник сказал:

– Будьте готовы к 8 часам а. м.⁴⁵, после службы будем венчать. У вас всё готово?

– Да.

– Ну и хорошо.

В ты́сячки⁴⁶ попросил Ивону Максимовича, а в дру́жки⁴⁷ Сергея Садофовича, свахой с нашей стороны поставили Агафью Садофовну, а с невестиной стороны Вассу Фёдоровну.

Утром в 3 часа а. м. добры люди идут молиться, мы готовимся на свадьбу, в 5 а. м. идём выкупать невесту у девчонок – тысячка, дружка, сваха и жених. Подходим к воротам – ворота заломлены⁴⁸, парни не пускают, тысячка с дружкой торгуются с ними. Вырядили с нас восемь литров бражки, десять килограмм мяса на шашлык и семь килограмм пельменей – пропустили нас к девчонкам, те тоже рядились и вырядили за сто долларов. Ето всё игра, для потехи. Потом привели невесту – разнаряженну в стеклянной⁴⁹ сарафан, стеклян-

⁴³ Светлана Ивановна и Владимир Дмитриевич Беликовы – живущие в Буэнос-Айресе русские эмигранты, много помогли старообрядцам и поддерживают с ними дружеские отношения.

⁴⁴ Бусы.

⁴⁵ Переданное русскими буквами обозначение *a. m.* (лат. *ante meridiem* – до полудня), принятое в 12-часовом формате обозначения времени.

⁴⁶ Ты́сячка – главный распорядитель на свадьбе.

⁴⁷ Дру́жка – товарищ жениха, сопровождающий его во время свадьбы.

⁴⁸ Закрыты.

⁴⁹ Блестящий.

ная шаль, белые туфли, всё перельняно⁵⁰ да красиво. К восьми часам пошли в моленну. Тятя и тещь подготовили свидетеляв, мы зашли в моленну, помолились нача́л. Когда отмолились, мы вышли, поклонились наставнику и братии и попросили, чтобы нас свенчали. Наставник затеплил свечи, разжѣг кадило, помолились нача́л, наставник повернулся лицом к нам, спросил:

– Свидетели все здесь?

Ответ:

– Все здесь.

– Жених, невеста, отвечайте громше. Данила Терентьевич, Марфу Фёдоровну берѣшь воляй?

– Да, воляй.

– Марфа Фёдоровна, идѣшь за Данила Терентьевича воляй?

– Да, воляй.

Вопрос был трижды.

– Свидетели, слышали?

– Да, слышали.

Наставник разогрел кадило, наложил фимиану, покадил наши кольца и женский чин, что называется шашму́ра⁵¹. Невеста благословилась, взяла чин, свахи увели невесту, расплели ей косу, заплели ей две косы, надели шашмуру, сверху платок, привели ко мне. Невеста поклонилась до земли жениху, поцеловала трижды и стала рядом. Наставник раздал кольца и сказал:

– Говорите вслух следующа. Жених: «Аз ти посягаю жену мою Марфу Фёдоровну».

Невеста: «Аз в тя посягаю мужа моего Данила Терентьевича».

Ето повторяется трижды. Потом родители жениха берут икону крестообразно⁵², котору хотят благословить сыну, и говорят:

– Благословляю вас, чадо мое, ликом Господним на честный брак, телу на здравия, душам на спасение.

Ето повторяется трижды, на последнем благословении добавляет:

– И буди моѣ благословение отныне и до века.

Так же и с невестиной стороны: берут невестину икону её родители и так же благословляют трижды.

Тогда наставник замолитоват, читают Большой нача́л, поют «Бог Господь», потом «Елице» и Евангелие, потом Апостол, потом «Поучение новобрачным» и «Достойно есть», отпу́ст, потом молятся за здравия, и нача́л. Новобрачны кланяются наставнику и братии и благодарят всех и приглашают на духовный стол.

А там уже всё готово, поджидают с моленны и ставят на стол. Приходит наставник, новобрачны, ты́сячка, свахи и гости, родители приглашают за стол. Наставник замолитоват, все отвечают «Аминь!», читают «Отче наш», садимся за стол. Наставник благословляет, все кушают. Начинает подача бражки.

Наставник благословляет и проздравляет новобрачных:

– Данила Терентьевич, Марфа Фёдоровна, проздравляю вас с законным браком.

И там идут наилучшие пожелания, и вопрос:

– А за что мы здесь трѣмся? Объясните!

– Данила Терентьевич женится, берѣт Марфу Фёдоровну, за ето пѣм и гулям и вас на свадьбу приглашам!

⁵⁰ Переливчатое.

⁵¹ Головной убор замужней женщины.

⁵² Правой рукой за левый нижний угол иконы, левой рукой – за правый нижний угол.

– На одно ухо слышно!

Невеста так же говорит, как и жених, проздравляют все по очереди. Подают по три чарки бражки, не боле. Накушались, наставник даёт молитву, все благодарят. Выходим из-за столов, молимся «Достойно есть», жених с невестой благодарят гостей и снова приглашают на свадьбу: начинают с наставника, потом родителей, ближняя родство, а тогда всех остальных.

Тут привозют с невестиной стороны все её приданы, свахи снаряжают свадьбу⁵³, мы передеёмся⁵⁴. Ставят на столы на обед, садимся обедать. Идёт угошение, все проздравляют, кричат:

– Горькя! Приходится подслашивать!

После обеда начинаются поклоны. Это обозначает: садят гостей на почётная место, тысячка, молодья и свахи стоят напротив, тысячка говорит гостям:

– Резвы ноженьки с подходом, молодья наши с поклоном.

Мы кланяемся, тысячка:

– По стакашку примите, добрым словом научите, тарелочку позолотите и на поклоны молодым нашим надарите или посулите.

Начинают приглашать на поклоны. Пёрво наставника с супругой. Оне садятся на поклоны, проздравляют с законным браком, наказывают, как жить, чего остерегаться, с кого пример брать, в моленну ходить. Но мне запомнились слова: «Где любовь – там и Бог, где совет – там и свет, без совету, без любви – там и стены-то пусты». Наставник подарили нас, мы поклонились, и оне вышли. Потом пригласили тятю с Евдокеяй. Тятя у нас был не речистой, наказал как мог, подарили вместе с Евдокеяй и вышли. Приглашают тещя с тещай, садятся на поклоны – радуются, особенно тещя, проздравляют. Тесть говорит:

– Да, Марфа Фёдоровна, теперь ты взамужем. Вся работа стояла на тебе, и ты во всём нам помогла, без тебя было бы нам трудно, сама знашь, – и заплакали. – Отдаём вам корову, что сама завела, бурёнку, и отдаём тёлку-красулькю, полгектара земли, одного петуха и десять кур.

Наказали, как жить, мня попросили, чтобы я их называл «тятенькя» и «мамонькя», пожелали наилучшая нам и вышли.

Когда родители с обоих сторон и родство выходят с поклонов, обязательно их подкидывают.

Потом пригласили дядю Федоса с тёткой Главдеяй. Вот и дядя Федос стал родственником, такой легендарный стал дядяй. Сяли на поклоны, проздравили. И вот что интересно: как-то он пал мягко на душу, какая у него душа – не рассказать, старается вести себя низко и быть незаметным, каждая слово, что скажет, – эти слова ласковы, вежливы и приветливы. Когда стали выходить из-за поклонов, сказал:

– Деньги, что я помог на свадьбу, это будет вам подарок, и когда какá нужда, без сумненье приходите, ваш дядя всегда поможет. И не забывайте: я потомок донских казаков.

Вышел с поклонов, притопнул по-казацки, и все: ура, ура, ура!

Сэлый день провели поклоны, к вечеру кончили, передали нам кассу. Весь день гости гуляли, вечером поставили ужин, поужнали, гости стали расходиться по домам. Родители с обоих сторон и мы, жених с невестой, помолились начал, родители благословили нас на ночлег и ушли. Ты́сячка и свахи приготовили постель, ты́сячка вывел меня в сторону, наказал закону Божию – что можно, что нельзя. Свахи так же невесту увели, наказали, переодели в спальну одёжу и привели. И оставили нас в покое.

⁵³ Украшают дом вышивками и прочим из приданого невесты.

⁵⁴ Переодеваемся.

Как провели ночь – не расскажу, только одно: Марфа стыдилась, а я старался ублажить. Когда мы уснули, не помню.

Но разбудили нас тысячка со свахами, мы искупались, оделись, свахи постель убрали. И мы пошли гостей приглашать, уже без тысячки и без свах, на похмельные столы, всех обошли, всех пригласили. А там дружка с поварами наготовили всего. Пришли гости, сяди за стол, стали угощать. Свахи доложили родителям, что невеста досталась жениху чиста и непорочна. Это тестю и теще большая честь со стороны сватовъёв, что сохранили дочь в чистоте.

После обеда тесть пригласил в гости жениха с невестой и всех гостей и стал угощать. Потом пригласил наставник, также всех, и угостил, так же по очереди все приглашали и угощали. Так провели сзлый день. На третйй день нас послали снова приглашать, мы всех обошли, пригласили, но на третйй день пришли только половина да сватовья. Этот день тоже провели благополучно.

Вот вся и свадьба.

12

После свадьбы мы с Марфой устроились временно жить. Возле моленны была избушка пустая наставника, и он нам занял, чтобы мы в ней пожили. Мы избушку подчистили, выбелили и стали начинать жить. Обещались друг другу любить, не изменять, угождать, посторонних не слушать – обчим, наобещали друг другу, только знай исполняй.

Первые дни мы с Марфой помогали тестю убирать сахарную свёклу. Свёкла угодила хороша, бывало, даже некотора до семи килограмм. Это надо её брать и кидать на борт грузовой машины, и получается это очень чижало. Вечером приходим домой, спрашиваю свою милую:

– Ну как, Машенька, устала?

– Да, устала.

– И с каких лет бросаешь свёклу на борт?

Она мне говорит:

– С десяти лет.

– Ог-го-го! А насаду чувствуешь?

Она:

– Да, чувствую, поетому никакого аппетита нету.

– В больницу ездила на проверку?

– Какой там, не на чё, сам видишь, как живём.

Да, правды, живут бедно, семь сестёр, один брат и мать беременная, тесть слабый, весь изнадсажённый.

– Ну и как, Машенька, думаешь, всю жизнь будем коробку гнуть⁵⁵ за восемь – десять долларов в день?

– Тебе видне, как поступить.

– Слушай, ты вышивать любишь?

– Да, люблю.

– Ну вот слухи идут, ты самая быстрая в деревне.

– Да, не буду хвастать, это правды.

– Дак вот послушай. Мне пришлось в жизни научиться ткать пояски. Хотя это работа женская, но сама знашь: пока у нас лучше выбора нету, а всё-таки сбыт на наш труд будет в США.

Она говорит:

– Да, мамино родство все в США, и оне нам хорошо продают. Это мои двоюродны сёстры, в Орегоне сестра Агрипена, в Аляске сестра Евфимья, в Канаде сестра Агафья.

– Давай напишем письмо, будут ли нам продавать?

– Ну, давай напишем.

Написали письмо и в пятницу поехали в город вместе. В пятницу все старообрядцы с деревни выезжают в город – везут масло, сметану, творог, сыр, яички и всё, что производят дома. Выезжать до автобуса пять километров, а город сорок пять километров Пайсанду, в которым население семьдесят тысяч.

– Машенька, мы с тобой на поклонав получили шестьсот долларов. Письмо писмом, а давай наберём продукту в дом хотя бы на два месяца, а на остальные деньги наберём матери, ниток и гарусу на пояски.

– Ладно, хорошо.

⁵⁵ Спину гнуть, *фразеологизм*.

Тятя с Евдокеяй собрались домой, поехали вместе в город, мы их там проводили. Набрали продукту, матерьялу на вышивки и пояски, вечером вернулись домой.

На другой день Марфа нарисовала себе вышивку, я сделал себе станок, в понедельник основал себе поясок и сял ткать, Марфа вышивать. Перво время терпение не хватало, но потом привык и каждый день по пояску вытыкал. Но это надо очень ударно проработать, а то вообще надо два дня, а Марфа как машинка, за две недели – и занавеска готова. Каждый месяц мы посылали посылку то в Орегон, то в Аляску или в Канаду, и каждый месяц получали чек на тысяча сто, на тысяча двести долларов. Доллар был в цене, нам хватало, на двести долларов мы набирали на месяц всего, что нам надо было. Дело пошло хорошо, мы трудились да песенки пели. В деревне мужики смеялись: «Данила бабой стал, взялся за бабью работу». Я молчал и улыбался: пускай смеются, вы на солнце жарьтесь, а я в прохладным месте денежки зарабатываю. Правды, утром стаём, Марфа управлется, я корову подою, сепаратор пропушу, вместе обед сварим и вместе за работу садимся. Жить было весело.

После свадьбе через две недели приходит тесть вечером к нам, разговорились, и он спрашивает:

– Данила, ты сколь-то по-славянски учился?

Я:

– Сколь там, только кое-как азбучкю прошёл.

Он:

– Ты уже грамотный. А гражданску учился?

– Всего четыре класса прошёл.

– Ну вот у нас дело пойдёт. Давай я тебе покажу, что твердить, и будешь читать в моленне.

– Где там! Ничего с меня не будет.

– А давай попробуем.

Открывает Часослов и говорит:

– Вот Пáвечерниса, она корóтка, давай вытверди. Как вытвердишь, заставлю читать. Знаю, у тебя получится, я чувствую.

И я взялся твердить каждый вечер. Где был в сумленье, бежал к тестю и спрашивал:

– Тятенька, это как? А это как?

Ему это нравилось, и он старался приласкать и объяснить и всегда чего-нибудь дóбро научить.

Читать я любил с малых лет, читал русские сказки, испанские. Бывало, полиёшь помидоры и читаешь сказки, тятя с прутом подойдёт да как урежет по спине:

– Дашка, опять залил помидоры!

За три недели вытвердил Пáвечерницу и сообщил тестю. В субботу вечером он меня заставил читать. Когда я читал, весь трёсся: боялся ошибиться, да и стыдно было, что так плохо читаю. Когда отмолились, тесть заходит к нам, и пёрво, что я слышу:

– Ну, молодец! Моё чувство не подвело мне, вижу, что далёко пойдёшь. Давай теперь тверди первый час.

Я почувствовал такой дух! Да неужели я научусь читать так, как наш наставник? Он правды читал отлично. Тесть сумел меня убедить и поднять такой дух во мне, что я взялся и взаправды учиться. За неделю первый час вытвердил, потом взялся за третью, шестой, девятый часы, и это прошёл. Потом тесть говорит:

– Ну вот отлично, теперь берись за воскресные каноны. Вообще-то пёрво учутся Пцалтырь, но Пцалтырь есть кому читать, а каноны некому. Тверди каноны, а Пцалтырь постепенно научишься.

Подходит Великий пост. Тесть собрал молодёжь и говорит:

– Ребятёшки, у нас подходят праздники, и надо подучиться петь. Давайте приходите вечерами, и будем петь.

Начали вечерами собираться у него и стали учиться к пению, самогласному и крюковому. К самогласному шло всё хорошо, но к крюковому шло медленно, но получалось. Тесть оказался хорошим учителем, хороша выдержка, терпение, внимание, объяснение. Он не только учил, но и писал Октай, Обиход, ирмосы. Мы за Великий пост выучили пение Благовещению, Светоносию, в Великую субботу и Пасхе. Мне пришлось и выучить воскресные каноны.

Тесть часто нас приглашал в гости кушать пельмени, у них часто их стряпали. У старообрядцев под пельмени – укради, да угости бражкой. Тесть хороший рассказчик, умел хорошо рассказывать истории – про Ермака, Александра Невского, Димитрия Донского, Евпатия Коловрата, Чингиз-хана, Бату-хана, Мамай-хана, Рюрика, Владимира крестившу Русь, Ольгу, русских князей и царей. У тестя была хороша память, рассказывал медленно, но красиво.

13

Деревня Офир – это была маленькая деревушка, всего сорок пять гектар, возле речушки Бежяко, что обозначает «дикая». Действительно это так. Как только проходят заливные дожди, эта речушка выходит из берегов и становится дикой. Наши старообрядцы приехали с Бразилии в 1966 году, более двадцати семей, но, так как в стране трудно было подняться, страна бедна, более половина вернулись обратно в Бразилию. А остались те, которые не думали о богатстве, но о духовном, – это Берестовы, Килины, Ануфриевы, Черемновы, Ефимовы, Зыковы, Ревтовы и Чупровы. Жили в большом труде, в бедноте и в духовном режиме, в труде. Самые выдающиеся – это были Берестовы, Ревтовы, Ануфриевы, Зыковы, Чупровы.

Черемновы – это Павел Фёдорович, человек набожный, справедливый, скромный, дружелюбный и вообще примерный; жена Павла Григорьевна Мартюшева – эта женщина вообще как-то непонятна, вечно у неё проблемы с кем-нибудь, то спорит, то враждует, занималась сплетнями, и вечно у неё вражда, с одними простится⁵⁶, с другими враждует. Бедный Павел читает Святое Писание, убеждает-уговаривает:

– Павла, не делай так!

Она:

– Прости, больше не буду, – и снова за свои дела. Суседи часто приходили к Павлу и жаловались на жену.

Но Павла постигла несчастная смерть. Он часто ездил на рыбалку и там утонул. Долго его искали, и на седьмой день его нашли: верёвка на шее и на голове удар. Когда лодку привезли и покойника, мать Евдокея увидела лодку и заплакала. На лодке выступила кровь – это все видели. И от покойника где в избе капала кровь, не могли ничем вытереть, и мыли и скоблили, но кровь выступала снова, на лодке также. Это все видели. Продолжалось это сорок дней, потом не стало. Это обозначает: невинный пострадал. Слухи были, что это управился один хохол, звали его Бондаренко, он занимался контрабандой. Так как река Уругвай стоит на границе Аргентине, и всю контрабанду везли с Аргентине.

У Павла остались с женой четыре сына: Максим, Саватей, Иона, Павел, – четыре дочери: Ульяна, Фетинья, Соломея и Евдокея. Без мужа Павла мало прожила в Уругвае, так как у неё были вечные конфликты, развраздновалась со всеми и уехала в Бразилию.

Чупровы, Иван Семёнович. Отец с России хохол, перешёл в старообрядчество, когда женился на Харитинье. Она была выпиваха. Отец умер, когда дети были на возрасте. Мать Харитинья вырастила их полными пьяницами. Обо всех писать не будем, а опишем об Иване. Он был хозяйственным и порядошным, но как загуляет, то этого хватало на месяц, а то и больше. Из дому всё ташил, жену избивал и собору не покорялся, и считался – всегда он прав и ни в чём не виноват. Жена у него была Васса Фёдоровна Черемнова, сестра Павла-покойника. У них было пять сыновей: Марк, Алексей, Антон, Тихон, Денис – и семь дочерей: Александра, Лизавета, Анна, Наталья, Елена, Харитинья, Минодора. Все дети очень рабочие, семья бедна.

Ануфриевы, Садоф и Анна. Порядошный старик, очень набожный, жена Анна – бывшая в Белокрынический иерархии. Имели одного сына Сергея и две дочери – Агафья и

⁵⁶ Попросит прощения.

Елена. Садоф был предка⁵⁷ донских казаков, но очень горячай, и справедливый, но скупой. Сергея рóстил очень строго, за любую провинку избивал до крови, етим оставил его травмированным. Но под старость старик исправился и очень много молился, и перед смертью за два года уехал в Россию в монастырь на Дубчэс и там помер.

Сын Сергей Садофович и жена Мавра Анисимовна Ревтова, у них пять сыновей: Елисей, Георгий, Иосиф, Елизар, Иоаким – и одна дочь Варвара. Рóстил он их в строгости, так же, как и отец доржал его самого. Сергей очень набожный и рабочий, но несчастный: что бы ни взялся, всё у него не так, хотя и имел трактор «Беларусь».

Ефимовы Иона Максимович и жена Агафья Садофовна, набожны, но ленивы, имеют три сына: Василий, Петро, Андрей, – три дочери: Екатерина, Лида и Анисья.

Берестовы Иван Данилович и жена его Марина. Ето семья очень работи и порядливы, в семье очень дружны, не дай Бог хто-нибудь их заденет – ошшетируются сразу. У них три сына: Фёдор, Василий, Поликарп, – пять дочерей: Лукерья, Парасковья, Васса, Евфросинья и Соломонида. Жили оне боле в достатках, имели боле земли, трактор, боле десятка дойнóго скота, две лошади, посевной инвентарь.

Зыковы, Филат (не знаю, как величать⁵⁸), жена Анна Якунина. Филат – врач-терапевт травник, научился в Китае. Врачи местные уругвайски на него враждовали и даже садили в тюрьму, за то что он лечил без диплому. И за приём не брал, а брал толька за лекарства. И народ к нему шёл валом со всёй стране, поетому врачи ради зависти враждовали на него. Он многих спас от раку, и, когда он вылечил сына президента страны, Грегориё Альварес, президент, приказал выдать ему диплом. Жена Анна – ето, можно сказать, скнипа⁵⁹, а не человек, всё ей не так. Филат с ней не жил, а мучился. Не помню, чтобы когда-то она обошлась с людьми по-простому, всё старается укорить, подсмеять, обозвать. И у их в жизни не шло, он всегда говорил: «Приезжаю домой ради детей, а с ней уже не знаю, как и поступать, всё ей не так». У них четыре сына: Арсений, Никита, Иван, Петро, – восемь дочерей: Фаина, Графира, Марина, Домна, Агапея, Агрипена, Ирина, Евфросинья.

В деревне дети в гражданской школе не учились, окрóме Зыковых и Шмаиловых. Шмаилов Михаил – хохол, за него убежала Васса Анисимовна Ревтова. Ихни дети учились, ето три дочери. В деревне учились самоучкям по-русски и духовно-славянски, поетому в деревне по-испански никто не говорил, а говорили – то плохо. Праздновали весело и дружно, молодёжь в город не ездила, да и не пускали.

Харбинсы люди дошлые на всё, в духовности большой порядок, взаимнопомощны и уважительны. Но мне одно не нравилось: наглы и скалозубы, укорить, подсмеять, на вред сделать – ето для них как вроде самый находчивый.

Мы жили одне в Аргентине и харбинсов не знали, но оне синьцзянсов знали, потому что жили вместе в Гонконге и в Бразилии. И просмеивали нас как могли: что мы нерусски, чалдóны⁶⁰ и всё говорим неправильно. У них «печь» – у нас «пещь», у них «протвень» – у нас «лист», у них «запóн» – у нас «фартук», у них «спички» – у нас «спишки», у них «котелок» – у нас «котселок». Разница в говóре была, и оне считались боле русскими, а нас считали

⁵⁷ Имеется в виду, конечно, *потомок*.

⁵⁸ Как называть по отчеству. Отчество Филата Зыкова – Анисимович.

⁵⁹ Тяжелый, неприятный, сварливый человек, которому невозможно угодить.

⁶⁰ Челдóны, чалдóны – русские крестьяне-старожилы Сибири.

азиятами. Наши друг друга всегда величали⁶¹, и была привычка, и приучали: обхождение, обойтись ласково, вежливо, не обидеть, угодить и так далее. Тятя нас приучал: пошлёт к соседу, накажет строго, как обойтись с соседом, и переспросит, как понял, расскажешь – тогда посылал. Приходишь к соседу:

– Здорово живёте!

Ответ:

– Милости просим.

– Деда Самойла Андреич, тятя послал к вам с просьбой. Можете тятю занять молоток?

– Да, сынок, возьми.

– Спаси Господи.

Приходишь домой:

– Вот, тятя.

– Ну, как сказал соседу? – Всё подробно расскажешь, и что он сказал.

– Ну, молодец.

У харбинсов не величают, а просто на имя называют, и когда что просят, просто просят и как будто вы обязаны дать.

Харбинсы в Бразилии синьцзянсов прозвали траирами. Траир – это рыба, спокойна, до семи килограмм, как полешки, и любит погреться на солнушке. Один раз на свадьбе несколько мужиков-синьцзянсов, крепко подвыпивши, лягли под куст и уснули. Харбинсы увидели, говорят: «Посмотрите, лежат, как траиры». И то пошло дальше, так и прозвали нас траирами. А наши прозвали их макаками, почему – потому что всё им нужно, везде оне лезут и везде оне наглы.

Мне в Уругвае без рódства сладко не пришлось, везде хи-хи-ха да ха-ха-ха, за всё приходилось терпеть, постепенно привык, но мне это не нравилось.

За неделю до нашей свадьбы в Бразилии была свадьба, женился Арсений Филатович Зыков. Почему-то родители на его свадьбу не поехали. После нашей свадьбы через две недели Арсений со своей супругой Валентиной Леонтьевной Маметьевой прибыли в деревню. Арсений Филатович характером уродился в мать, так что понятно, кто он. У них вскоре не пошло. Конечно, в етим добрые люди позаботились – помогчи ихнему разводу.

В деревне моего тестя с тёщай все, окрómя дядя Федоса, ненавидели. Мне казалось – почему? Тесть такой порядочный, тихой, богобоязневый – и его ненавидят. Но уж ладно, тёща – есть за чё, она беспокойна, везде лезет, всё ей нужно, про всех знат, и каки сказки – всё она сплетёт. Моя Марфа её недолюбала. Ни к чему их не приучала, толька на них кричала, издевалась, ничего не работала, а знала каждый божий день бегала по деревне, новости узнавала да в каждый разговор соли подсыпала. Семья большая, один одного меньше, а ей ничего не нужно. Марфе это не нравилось, и она с ней часто схватывалась, и спорила, и за отца заступалась (отца оне все любили). За это тёща Марфу возненавидела, проклинала, выгоняла из дому и сулила наихудшего мужа, пьяницу и чтобы бил всегда её. Тёща часто выпивала, при любым случае старалась напиться, и тайно выпивала. Тестю и детям это не нравилось, за это у них возникали конфликты. Когда Марфа вышла взамуж, тёща всеми силами старалась мне угодить, через лишку, это меня настораживало, и Марфа тоже боялась, и к Марфе тоже изменилась, стала чрезвычайно любезна. Мы ничего не подозревали, но толька удивлялись, какá она к нам любезна, но люди мне говорили часто, особенно Сергей Садофович: «Данила, опасайся, не доверяй». Я никому не верил: как ни говори, всё равно родительница.

⁶¹ Называли по имени-отчеству.

14

У нас шло всё хорошо. Тёща каждый божьяй день у нас в гостях, не надо радиё, ни газет – всё известно в деревне. Мы с Марфой по-прежнему трудились, деньги копили и начали матерьял покупать – строить дом. Народ на ето внимание взял, и смотрим: наши мужики строят станки⁶² и садятся ткать пояски – сам дед Садоф, Иона Максимович, Сергей Садофович, Василий Берестов.

Мои пояски в США брали хорошо, потому что мужески руки посильнее женских, и пояски получаются как ремешки, и цена их росла: с двадцати доллár ушли на двадцать пять доллár. Мне везло.

Тут произошло следующа. Фёдор Иванович и Марк Иванович соперничали из-за Графиры Филатовны. Графира боле заигрывала с Фёдором, но тянула, Фёдор нервничал и даже пострашал её:

– Ежлив за меня не выйдешь, я тебя изнасилую.

Ей этих слов хватило, чтобы он ей опротивел, и она вышла за Марка Ивановича. Сыграли свадьбу. Он её любил, она уважала его. Вскоре приехала Валентинина сестра, Главдея Леонтьевна, Фёдор за ней стал бегать, но она как-то бочкём от него. И тут Алексей Иванович Чупров стал с ней праздновать, у их сошлось, и оне поженились, и у их пошло как по маслу.

Приезжает ко мне в гости брат Степан: двадцать четыре года, празднует и помалкивает. Говорю брату:

– Ну что, братуха, пора жениться, хватит быть бобылём.

Он смеётся, начинает праздновать с Парасковьяй Ивановной. Шло всё хорошо, он взял для испытку да поиграл с Александрой Ивановной. Парасковья как надулась, бросилась домой, не стала играть, он к ней – она отталкиват:

– Иди к Сашке!

Степан посмотрел и сказал:

– Ишо не вышла, а уже ревноешь. Что будет, когда выйдешь? И до етого сулилась взять в руки – да пошла ты подальше!

И собрался уезжать домой. Я стал убеждать, что: «Клином свет стал, что ли? Девоч много, можно и выбрать». Он притих, стал праздновать с Александрой Ивановной. Вскоре он её высватал, и пошли сватать. Иван Чупров был пьян, Степана отстрамил, обозвал всяко-разно: «Синьцзянсы таки-сяки, кого берёшь, сам скоро состаришься, а девчонке всего пятнадцать лет!» Степан разобиделся и собрался совсем уезжать домой, тесь всю ночь уговаривал его, наутро Степан согласился ещё посватать. Пошли сватать, высватали. Но весь девишник Берестовы надоедали Степану: «Кого берёшь, она така-сяка, неумеха, ленива, больная, бери лучше Парасковью». Но Степан молчал допоследу. Сыграли свадьбу. Степан стал жить в домике у покойницы Евдокеи Черемновой.

Вскоре поехали из США гости в наши страны – навестить своих родственников. Ето были Карп Ревтов с женой, брат дядя Федоса; Евфимия Феоктистовна Мартюшева, племянница тёщина, с мужем Иваном Карповичем, племянником дядя Федоса. Оне купили дяде Федосу возле деревни сорок пять гектар земли, и дядя Федос переехали и стали жить в ряд⁶³ с деревняй. Вскоре приехал с Бразилии Максим Павлович Черемнов в гости, и прожил три месяца. Парень весёлой и простой, мы с нём крепко подружили, очень приглашал в гости.

⁶² Ткацкие станы.

⁶³ Рядом.

Мы строили дом, достроили, перешли. Павла, Максимова мать, продавала свою землю три гектара, Берестовы её торговали, но она им не продала, так как враждовала на них, но продала нам. Мы купили, обгородили и купили ишо две коровы дойных. Народ заговаривал: «Как он так умет, всё у его так быстро получается!» Мы молчали и всё трудились.

Тёща со мной так любезна и хороша, но на Марфу стала лить всякия небылицы: «Ты, Данила, зятёк, не распускай вожжи, она у тебя засранка, вредна, непокорна», и так далее и так далее. Я всё молчал.

После свадьбе через два месяца Марфа забеременела, и пошли у ней проблемы, пошли рвоты, аппетит пропал, вся осунулась, посинела, но работу не оставляла.

– Маша, тебя свозить к врачам?

– Зачем? Не надо, всё пройдёт. Сам знашь, к врачам грех ходить.

– Маша, но так хворать! Я не согласен видать тебя такую.

– Всё будет хорошо.

Но действительность-то другая! Она, бедняжка, досталась мне вся изнадсажённа. Как только поимела половое сношение, сразу зачахла, и день ото дня всё хуже и хуже. Как только сходит к повитухе Марине, поправится⁶⁴ – так лучше, но чуть маленька – опять хуже. С каждым днём становилась всё боле раздражительна, но виду не показывала.

Тёща видит, что успеху от меня никакого и что я Марфу жалею, начала Марфу раздражать против меня. Сначала Марфа не поддавалась, но постепенно стала сдавать и всё от меня таить. Я думаю: «Что случилось? Марфа стала изменяться. Где наш до́говор? Посмотрю, что будет дальше».

26 августа 1979 года рождается наш первый сын. У Марфе пошли переёмы⁶⁵, я сбежал за тёщай, та послала за повитухой Мариной. Марина пришла, заставила согреть воды, приготовить полотенсы. Переёмы пошли сильнея, Марина с тёщай ничего не смогли сделать, позвали меня, пришлось участвовать в родах. Вот тут мне запомнилось на всю жизнь, что такая женчина, и стал их всегда жалеть и соболезновать. Бедные женчины, как вам чижало приходится, за такая малоя удовольствия подверьгаются таким опасностям!

Родился прекрасный сын, на восьмой день окрестили и назвали его Андриян. Я от радости души не чаял в нём. У тёщи три месяца назад тоже родился сын, назвали его Тимофеям, так что дядя и племянник росли вместе. Несмотря на Марфино поведение, я виду не показывал, но старался быть хладнокровный. Работа продолжалась, теперь мы не одне – нас троя.

Праздновать стало веселея, молодых мужиков добавилось: Марк, Алексей, брат Степан. Дядя Федос стал суседом, мы часто к нему ходили, он был весёлой, бражка у него всегда была, дядя угошал и всякия были, истории, рассказы и анекдоты рассказывал, был речист, и любо было его послушать. Раз слышим, он говорит:

– Первый рассказчик – все падают хохочут, но он не улыбнётся; второй рассказчик – сам хохочет, и все хохочут; третьяй рассказчик – сам залиётся⁶⁶ от смеху, но никто не улыбнётся.

Как-то раз он рассказывает нам анекдот, что он запомнился навсегда.

Едет царь Пётр Великий с дружиной на охоту по лесу, видят: стоит монастырь. Подъезжают к воротам, стучат во врата. Привратник смотрит в шёлку⁶⁷, и что он видит! Ох, батюшка-царь! И бежит без памяти к игумену, кланяется в ноги и говорит:

⁶⁴ Полечится.

⁶⁵ Родовые схватки.

⁶⁶ Заливается.

⁶⁷ В щелку.

- Отче, отче, батюшка-царь у врат стоит с дружиною!
- А ты врата отворил?
- Нет, отче.
- Что ты натворил!

И бегом ко вратам, отворяют врата. А батюшка-царь на лошадях топчутся и нервничают.

- Вы что царю врата не отворяете?
- Прости, батюшка, виноваты.
- Вы что здесь делаете, лентяи?
- Молимся, батюшка.

– Молитесь? Посмотрим, как молитесь. Вот вам приказ: сосчитайте на небеси все звёзды, смерьте толщину земли и оцените вашего императора. Даю вам сроку две недели, не ответите – сожгу ваш монастырь! – Повернул коня и уехал.

Игумен в слёзы, рассказал братии, все уныли, наложили на себя правила, взяли на себя пост. А тут к ним всегда приходил Иван поживиться: тут накормют, напойт, какú-то копейку дадут. Он часто выпивал, его прозвали пьяницей. Приходит он в монастырь. Что такая? Все унылы, не разговаривают с нём, всегда были приветливы, а тут как вымерли. И стал спрашиваться:

- Что с вами?
- Да отойди, не мешайся!
- Да вы что, что случилось с вами? Может, помогчи в чём-нибудь?
- Да отойди ты, не мешайся, не до тебя нам здесь.

Он пуше пристрел⁶⁸:

– Да вы что, обалдели? Да расскажите, что случилось, молчать – дак что, лучше, что ли, будет?

Оне рассказали, что батюшка-царь приказал. Иван выслушал: ого, дело совсем прося. И говорит:

- Дайте мне два целкова, я вам всё налажу.

Оне к игумену:

- Отче, Иван-пьяница просит два целкова и говорит, всё наладит.
- Дайте ему пять целковых да отвяжитесь от него, и без него горя хватат.

Дали ему пять целковых. Иван ушёл, приходит в город, заходит в магазин, покупает самый большой лист бумаги, приходит домой, свёртывает лист в небольшой кубик, берёт шило и весь кубик изрешатил. Дождался сроку, приходит к царским вратам и стучит. Стража отворяет:

- Что надо?
- Иду с такого монастыря, ответ доржать батюшке-царю.

Стража доложили батюшке-царю:

- С такого-то монастыря пришёл монах ответ доржать.

Батюшка-царь:

- Немедленно пропустить!

Ивана пропустили. Иван кланяется в ноги:

- Ваше превосходительство, батюшка-царь!
- Ну что, сосчитали звёзды на небеси?

– Да, батюшка-царь, сосчитали. – Развёртывает лист бумаги, подаёт батюшке-царю: – Вот, батюшка-царь. Не поверите – посчитайте сами.

- Да, правильно. А смерили толщину земли?

⁶⁸ Пристал.

– Да, батюшка-царь. Наши родители ушли мерить. Когда мы к ним придём, оне нам точно скажут.

– Да, правильно. А оценили вашего императора?

– Да, батюшка-царь. Небесный царь – тридесять сребреников, но вы как земной, то двадцать девять хватит.

– Да, правильно. А что я чичас думаю?

– Да, батюшка-царь. Сколь мне дать казни за мои дерзкие слова.

– Ну хорошо, идите и молитесь.

Выходит Иван, на остальные деньги гуляет, приходит в монастырь подвыпивши, смотрит: все дряхлы, испостились. Увидели Ивана, окружили, спрашивают:

– Ну что?

– Да молитесь себе спокойно.

Брату Степану не повезло в Уругвае. Чупровы оказались жёстки, Степана оне за человека не шшитали, всегда подсмеивали: то «Стёпонья», то «Зайчик», то «траир». Он всё терпел. У них была одна корова, он раз загнал в ихний выпуск⁶⁹, оне его отругали и корову выгнали. Он приходит со слезами и рассказывает, мы ему посоветовали: «Не переживай, а корову загони в наш выпуск». Вскоре приезжает в гости сестра Евдокея и увидела, как братуха проживает: брат Степан с Александрой ходют на заработки, нанимаются свёклу прорубают да полют. И видела, как обращаются Чупровы с братом, стала говорить: «Что тебе, Степан, белый свет клином стал? Да пошли оне все подальше! Поехали в Аргентину, и будешь жить как человек».

Степан первое время тянул, Александра не хотела, и у их ета история продолжалась целый год, в консы консах Степан не вытерпел, и уехали в Аргентину. У них уже была дочь Хиония.

Арсений Филатович с Валентиной Леонтьевной с каждым днём спорили больше, она на пашне работать не хотела, да и вообще в Бразилии женчины на пашнях не работают. Так как там занимаются зерновыми посевами, то женчины толька управляют дома. Да и Арсений ей сулил горы, а на самом деле обманул. Анна, мать, разжигала Арсения, а моя тёща – Валентину, и до тех пор к ним лезла, что оне разошлись. Арсений уехал без вести, Валентина осталась одна, постепенно на Валентину стали роптать, что на неё посматривают мужики, и тёща изменила позицию и стала против него. Бедняжка, она здесь в Уругвае толька страдала, и дошло до того, что моя тёща достала из уборне ведро говна и вылила к ней в сундук. Валентина со слезами всё бросила и уехала в Бразилию.

У нас с Марфой с каждым днём в жизни обострялося хуже и хуже, Марфа стала показывать свой природный характер, стала за каждые пустяки огрызаться, за каждая слово ответит десять. Жить стало невозможно. Я старался всяко убедить её, и ругал, и спрашивал:

– Где наше обещание? Мы друг другу обещались во всём угождать и посторонних не слушать, а ты связалась с матерью, и лезете в каждое дело.

Вся деревня уже заговорила: Марфа пошла материнной дорогой, и говорили мне всё чаще: «Данила, гони ты тёщу и Марфе гайку подкрути, а то будет поздно». Я Марфе всё это говорил. «Не изменишься – возму всё брошу и уеду, тогда хватишься!» Но это не помогало.

Тёща до тех пообнаглела – что хотела, то и творила, в моем дому командовала, кастрюли проверяла, но вот чудно: Марфу превратила во врага, а со мной по-прежнему лучше её не найти. Но у меня на сердце камень рос боле и боле.

⁶⁹ Огороженное место для выпаса скота.

15

В один прекрасный день говорю Марфе:

– Марфа, поехали хотя на сезон в Аргентину, освежимся, помидор посеем, осенью вернёмся. Моё родство увидишь, познакомишься.

Она перво возразила, но потом постепенно убедилась, и мы весной уехали в Аргентину. Наше родство встретило нас очень хорошо. Сестра Степанида уже бросила своего чиленса, но у ней уже была дочь Федосья. Чиленес угодил ленивый и выпиваха, поэтому она его бросила.

Мы со Степаном арендовали земли по два гектара и посадили помидор. Помидоры уродили очень хороши, пришло время сбор, стали собирать, было радостно, перспектива была хороша. Но одиножды собрали помидоры, поехали сдавать. Сдавали помидоры, и тут народ заговорил: гроза идёт. Мы ету тучу видели, но не обратили внимание. И вот всё стемняло, и пошёл дождь с градом, да такой град выпал, селую косую четверть⁷⁰, у машин стёклы повыбило, на пашнях зайцав побило. Мы с братухой едем домой и горюем: а что с нашими помидорами? Приезжаем домой, спрашиваем, много ли граду было, нам отвечают: «Да, много». Утром приходим на помидоры, и что видим? Одне палочки все изломанны, и помидоры все побиты. Сердце сжалось, всё опротивело.

Марфа нашему родству не понравилась за её злоязычество. Она со мной огрызалась как могла, и мои родители всё это слышали и мне говорили и советовали, но я никого не слушал. Я её выбрал – мне и страдать, и дети невинны, оне не должны мучиться. Особенно Евдокея обиделась, она желала мне добра, но я ей отказал: мол, не лезь в нашу жизнь, мы сами разберёмся. Она упрекала меня:

– Говорила тебе, что не торопись, – нет, не послушал. Народ не здря говорил, какá это семья.

Я отвечал:

– Не лезь.

У нас с Евдокеей дружба распалась раз навсегда, хотя и на сердце была тоска.

Марфа ходила беременна вторым ребёнком – опять рвоты, всякия болезни, истерика, да, как назло, крёсна Марфе рассказала, как я жил, когда был холостой. У нас в семье ухудшилось отношение, Марфа стала делать всё на вред.

Мы вернулись в Уругвай. Тёща по-прежнему влияла на Марфу, Марфа перестала варить, стирать, коров доить, управляться. Что я мог, то и делал, но это уже была не жизнь, а мука.

Вскоре приезжает с Аляске Прохор Григорьевич Мартюшев, Павлин брат. Он Черемновым в Бразилии купил земли и устроил хорошо. Старик весёлой, но сразу видать, что проходимес, он в Уругвае купил туристическу виллу и хотел это сделать для курорта. При нём часто гуляли, и он показал себя бабником. Когда поехал домой, оставил за начальника тестя. Когда какие хлопоты с документами, тесть меня просил в переводшики, и когда покупали землю дядя Федосу, также. Когда Прохор уехал, тесть придумал какие-то бумаги сделать, чтобы я ему подмог, за это получить с Прохора четыре тысячи долларов. Я ему говорю:

– Тятенька, это грех, я не буду таки дела делать. – Он устыдился, и больше об этом не было разговору.

⁷⁰ Косая четверть – расстояние между большим и безымянным пальцем руки.

Приезжает в гости Саватей Павлович Черемнов с женой Мариной. Прожили месяц. Парень весёлой, разговорчивый, но какой-то непонятный, как-то любит осудить, про всех знат, и всё ему нужно⁷¹. Он ко мне прилип, потому что я весёлый и стаканчик не пролей.

Тут тестю приходит письмо от брата Марка Савельевича. В письме он просит тестя, чтобы пустил меня к нему в гости: «Слухи прошли, что он у тебя на все руки и весёлой. Пускай приезжает, поможет мне с посевом, я ему билеты оплачу, здесь познакомимся». Саватей узнал, настаивал:

– Поехали вместе, я дорогу знаю, и вы с нами проедете хорошо.

– Но как ехать? Я лицо без гражданства, получить заграничный паспорт – это для нас очень сложно.

– Да не переживай, граница слаба, я вас провезу.

⁷¹ До всего есть дело.

16

Ну, мы рыскнули. Приезжаем на границу, город Ривера, в центре двойна улица, втора́ улица – это уже Бразилия, Санта-Анна-до-Ливраменто. Перешли на бразильску сторону, приходим на автовокзал. Саватей берут себе билеты в Порто-Алегре, а мы ждём. Саватей сходил узнал, какой водитель, дал ему взятку, перед тем как автобусу подъехать на автовокзал. Нас вызвали, посадили в туалет и замкнули. Пассажиры все сяли, полиция проверила у всех документы. Туалет закрытой, Андриян спал. Проехали пограничный пост, туалет открыли, нас выпустили, и мы благополучно доехали до первых деревень. Это штат Парана́, город Понта-Гросса, деревня Санта-Крус, проживают харбинсы. Мы прожили три дня. Я хотел съездить к деревню к синьцзянсам, в Пао-Фурадо, но нас отговорили, и мы поехали дальше. Ехали троя суток, в штат Мато-Гроссо, город Куяба́, посто⁷² Примавера-до-Лесте. Там всё джунгли, дороги плохие.

Приезжаем в деревню Масапé. Народ толька что построился и корчуют лес и сеют рис. Приезжаем к дядя Марке. Заезжаем, оне сидят на улице – три пары, я подхожу, спрашиваю:

– Кто из вас дядя Марка?

Он отвечает:

– А вот разберись!

– Ну ты и есть дядя Марка. – Кланяемся в ноги, искренно встречаемся.

И вот стали пашню чистить и рис сеять. В праздники наперебой все приглашают в гости: узнали, что я весёлой, и каждый праздник гули-погули, то к одному, то к другому. С Марфой каждый раз сапались, я её приглашал, но она кричала и не хотела, а толька делала всё на вред. Дядя Марка всё это видел и сожалел: «Да, пошла она в мать».

Когда мы приехали в Масапé, мне понравилось: много стариков, деревня большая, грамотных людей много, хороший порядок. Мне затеялось выучить португальский язык, говорю:

– Дядя Марка, у вас есть бразильски книжки?

– Да сколь хошь, вон у Карпуньки.

Взялся я читать. За три месяца – сидим с рабочими, анекдоты рассказываем, один рабочий говорит:

– Интересно, когда ты приехал, умел говорить «бом диа» и «муйту обригадо»⁷³, а чичас сидишь анекдоты рассказываешь. – Мне самому чудно показалось.

Собрались мы домой, дядя Марка заплатил нам за билеты и за работу, и мы отправились. Заехали пёрво в штат Мато-Гроссо-до-Сул, в город Маракажу́, в деревню. Там жили тестева сестра, тётка Фетинья, женчина очень скромная, чем-то напоминает дядя Федоса, она мне очень понравилась. Но жили бедно, муж её Бодунов Димитрий – выпиваха.

Тут нас пригласили на свадьбу, на границе Парагвая: тёщина сестра Агафья женит сына Гаврила. С тёткой Фетиньей вместе поехали на свадьбу, приезжаем в пятницу, вечером пошли на девичник. Етот вечер я почудил, повеселил девчонок и пошёл домой. Дорогой догнали – одна девчонка, и повешалась мне на шею, я стал отталкивать – она лезет, я бросил и ушёл, а сам себе думаю: «Не хочу никакого кровосмешения в старообрядцав». И это соблюдал всегда.

Тёщина сестра ведёт себя скромно, потому что муж Ефрем Анфилофьев строгий, как что – ей попадало. Жили оне хутором, на границе с Парагваем, – Понта-Пора-Педро-Хуан-

⁷² Бензозаправка.

⁷³ *Порт.* bom dia – добрый день, muito obrigado – большое спасибо.

Каважеро. Всего четыре семьи: Ефрем Анфилофьев с семьёй, Петро Кузнецов и Лука Бодунов. Лука – это тот, который сидели три пары у дядя Марки, а третья пара – это Константин Артёмович Ануфриев, двоюродный брат Сергею Садофовичу в Уругвае. Лука Сазонович Бодунов – хороший охотник и китайский тигрятник, хороший рассказчик и выпиваха.

17

После свадьбы вернулись домой. Марфа последня время ходила беременна. И приезжают ко мне в гости сестра Евдокея, сестра Степанида и брат Григорий. Малёнька пожили, за Степанидой забегал Василий Иванович Берестов, стал сватать. Родители пошли против, что у ей дочь и она убегала из дому. Но Василий был косоглазый и никто за него не шёл, поетому он её посватал. Но она знала, что родители против, и говорила: «Ежлив родители против, я так не могу», он ей говорил: «Я на родителяв не посмотрю», но она не захотела.

Евдокея стала мне говорить:

– Данила, как ты думаешь дальше жить? Совсем обалдел: дом весь разбросанный, везде вонета⁷⁴, сам коров доишь, варишь, пелёнки стираешь, а она от матери не вылазит, весь народ хохочут над тобой: «Данила баба!»

Григорий спрашивает:

– Рыба-то есть в Уругвае?

– Конечно, много.

– А что молчишь? Поехали!

Ну, собрались, поехали, поставили сети, утром поймали всякой-разной рыбы, Григорий ликовал. Ну, и рыбалка заманчива, мы тремя сетками поймали боле сто килограмм.

Приезжаем домой, Марфа с тещай поднялись на меня и срамили как могли: лентяй, бродяга и всяко-разно. Григорий, Евдокея, Степанида ахнули, моя чаша переполнилась, и я решил уйти из дому. Я не любил конфликты и не люблю. Григорий, Евдокея, Степанида давали разные советы, но я никого не слушал. Вечером я собрался уходить и сказал Марфе:

⁷⁴ Вонь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.